

Жити судьбы
ВЕНЕЦ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

"Любовь на грани войны: откройте
двери в мир эмоций и предательства!"

Валерия Журавлева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Karla Vitelle
**Нити судьбы: Венец
предательства**

<https://litres.ru/63676526>

SelfPub; 2026

Аннотация

Открой тайны страсти и предательства в новом захватывающем романе!

Когда международный бизнесмен Амиран берет курс на Москву, он не подозревает, что его жизнь навсегда изменится. Встреча с Мирославой, свободной дочерью генерал-майора, станет для него началом урагана эмоций, который всколыхнет всё вокруг.

Один взгляд, один поцелуй и их судьбы переплетаются, как в горячем tango. Но любовь не всегда бывает простой. Впереди борьба за будущее, жгучая страсть и опасные интриги между семьями, полные мести и предательства. На кону не только их сердца, но и жизнь!

Вместе с ним вы окунетесь в мир, наполненный напряжением, где каждая тайна может стать последней, а каждый выбор обернуться неожиданностью. Смелость, доверие и прощение вот что предстоит отыскать в этом водовороте событий.

Подготовьтесь к откровенным сценам и порой жестким моментам этот роман не для слаонервных!

Содержание

Пролог	5
Глава 1.1	14
Глава 1.2	31
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Karla Vitelle

Нити судьбы: Венец предательства

Пролог

Ранее в Милане

Амиран

За окном огни ночного Милана. Помню, как выбрал его лет десять назад, как бежал сюда из надоедливой столицы России, купив первую однокомнатную квартиру. Но правда лишь в том, что Милан – это вторая Москва. И всё же я не понимал, что привлекло в нём: девушки? Вино? Прекрасные возможности для развития бизнеса? Явно ведь не показы мод? Ухмыльнулся сам себе, вдыхая приторный древесный аромат благовоний.

Всё встало на свои места с появлением её на пороге моей квартиры. Сейчас Милан – это наше убежище, теперь уже четко можно сказать – дом. Мысли о девушке заставляют меня улыбаться, как увлечённого юнца. Сразу же ловлю адреналин по венам, жажду наживы, страсть к крови, дракам, и

всё это возрастает вместе с желанием обладать только одним – ею, завладеть её любовью, подарить ей весь мир, быть для неё миром.

– Ты правда её любишь? – прервал молчание Давид, подавая хрустальный бокал с виски.

– Да, – смотрю в бокал с янтарной жидкостью, смеюсь, вспоминая, как она пробовала виски в первый раз.

– Даааа, мужик, я так пару лет назад несколько миллионов подарил при разводе, – протянул он. – Она – что-то с чем-то, итальянка, горячая и взрывная, как вулкан, – потер бороду.

– А у Вольной свой мир в голове, зацепила, – машет рукой, пытаюсь передать своё восхищение. Играет на моих нервах самодовольный придурок.

– Моя, – утвердил, улыбаясь, ликуя, что сорвал джекпот.

– Да, твоя, твоя, пока ты жив, без обид, – поднял ладони в знак поражения.

– Без обид, – осушил бокал одним глотком. – Давай к делам, чувствую, недолго мне не стрелянным ходить осталось.

Смеюсь от своей же фразы. От того, как всё обернулось. Чего я ждал, когда поддался чувствам?

– Успеется, – медлит.

– Знаешь, я на тебя равнялся, когда начинал, но потом быстро понял, что спешка к хорошему не приведёт, – вальяжно рассуждает, поглядывая на свои золотые часы с бриллиантами, модник.

– Я познакомлю тебя с моими друзьями-испанцами, – отвернулся к окну. – Да, точно, познакомлю, но не гарантирую, что это поможет.

– Ты всерьёз думаешь, что я не знаю о том, что они предложили тебе? – улыбаюсь. Смешно, конечно, если мои подозрения беспочвенны, но обычно интуиция меня не подводит.

– Знаешь, конечно, но почему-то ты здесь и просишь меня защитить её, – резко развернулся ко мне. Взгляд стеклянный, смотрит за меня, на двери.

– Потому что ты не против заполучить её, – пытаюсь убедительно подыграть.

– Единственное, пару моментов. Мне не нравятся, первое

– это ваши разногласия с Гвасилия, думаю, ты понимаешь, они достойные компаньоны. Мы слишком тесно взаимосвязаны, – загибает пальцы.

Если перевести на понятный русский, “прямой” вопрос от него: “что он получит от нашей сделки с Вольным?”

– Так может, вы сойдётесь в союзе, и всё забудется? – строю из себя дурака.

– Их партнерство у меня уже в кармане, – хвастает, излишне самоуверен.

– Что ты тогда хочешь от меня? – смотрю на панораму города.

– Я хочу, чтобы ваши разногласия не мешали нашему бизнесу, – потер ладони.

– Второй момент? – плескаю себе в бокал ещё пару капель.

– Союз с Вольными, понимаешь, да? Он мент, и никто сейчас не знает о том, что вы вместе. Здесь всем будет похер, но в Москве появится много желающих вывести тебя из игры, а как это скажется на моей репутации? – смотрит на меня пристально, умён черт, поставил перед фактом, думает, за-

гнал в угол.

– Это я улажу, – спокойно, в такие игры я играл в 18 лет.

– Убьёшь его или попросишь уйти со службы? Хотя это мало поможет, – не притронулся к своему напитку.

– Нет, его дочь у меня, и теперь он будет плясать под мою дудку, остались формальности, – уверенно говорю, смотрю прямо в карие глаза, в которых горит неподдельный интерес. Дело сделано, рыба съела наживку.

– Свадьба, ребёнок? – смотрит исподлобья.

– Да, именно. Согласись, действующий генерал-майор в управлении – это хороший козырь, а ради счастья своей дочери и своей репутации он на многое пойдёт, – добиваю, улыбаясь, чтобы он поверил мне. Но сам прекрасно понимаю, что несу полнейшую чушь, но об этом никто, кроме меня и Вольного, знать не знает и вряд ли узнают.

– Да, прекрасные планы, – удивлён, – так что там надо сделать?

– Если со мной что-то случится, я не хочу, чтобы она нуждалась в чем-то, – кладу документы на его стол.

– Мужик, ты отдаёшь ей весь легальный, мать его, бизнес, весь! – его глаза округлились от восторга. – Да ни одна баба не вызывала во мне такого желания.

Знал бы он, чего это стоит, это “хочу”, чем нужно пожертвовать, но разве любовь имеет ограничения? Нет, не имеет, у неё нет понятия “хватит”, она съедает всё на своём пути. словно ты вдохнул губительную дорожку. Вот только любовь не отпустит тебя ни через час, ни через два, под кайфом до самой смерти.

Я отпил из своего бокала. – Знаешь, сложно признавать, но кажется, судьба существует.

Оба рассмеялись строя из себя дураков и играя подвинь-тись игры друг перед другом. Сам не могу поверить, что говорю это. В голову ворвались воспоминания первой встречи, её мягкие губы, запоздалая реакция, эти глаза в кучу и твёрдая самоуверенность. Вспомнилось, как первый раз увидел фотографии полуобнаженного тела и всё.

– Что она будет с этим делать? – указывает на бумаги, в которых целое состояние, там весь мой бизнес, всё нажито в течение десяти лет.

– Ты рано меня хоронишь – это всё-таки форс-мажор, – конечно, он не упустит шанса подбить к ней клинья. – А во-вторых, она умная девочка, – гордость теплом разливается в груди. Уверен, она-то точно знает, что с этим делать, а если нет, то быстро научится. В её маленьких женских руках мой многомиллиардный ребёнок будет развиваться.

– А кажется просто красивой, – рассуждает, размахивая руками и отводя глаза в сторону. Строит из себя глупца.

– Сделаешь? – сажусь в черное кожаное кресло напротив.

– Сделаю всё, Амиран, не переживай, когда вернётесь сюда, всё будет уже готово, – в момент становится серьёзным. – Несмотря на то, что ты затеял.

– Не переживай, тебя это не заденет, ты ведь не имеешь дел в Москве? – уверенно лгу, ведь даже я сам не знаю, что взбредёт в голову Вольному, от этого мне хочется разорваться и скорее решить вопрос, чтобы раз и навсегда мент отстал от меня.

– Да я и не переживаю, – потягивает свой кофе, вальяжно развалившись в кресле в сером костюме-тройка от Armani и чёрной рубашке с серебристыми запонками. Давид педантичен в вопросах стиля и ведения бизнеса, сразу видно, вы-

рос здесь, а вот я костюмы терпеть не могу, больше нравятся джинсы, поло, свитера, кожаные куртки, но на сделки с юристами так не явишься, поэтому пришлось надеть чёрный костюм с серой рубашкой.

– Спасибо за риэлтора, нашли блестящий вариант, ей понравится, – хвастаю, завожусь от мысли, в каком восторге она будет от нашего нового дома. Мысли о ней в нашей большой спальне заставляют меня кипеть, срываться с места и мчаться в аэропорт, чтобы почувствовать её в своих руках, оказаться в ней.

Грузия

Несколькими месяцами позже

Я люблю её, как же сильно я люблю её. Мой мир, меня всё время сопровождает её лицо, в слезах, искореженное от боли, её шёпот “я люблю тебя, мой муж”. Кажется, что мои руки до сих пор пахнут её кровью.

Не знаю, сколько времени прошло, жив я или мёртв. Сломанные пальцы дрожат, кажется, они даже начали срастаться или уже срослись. Я зол на себя, только на себя за то, что не сумел её спасти. Много думал, что было бы, если бы я при-

нял другое решение. Как бы я жил, как бы жила она?

Вот и судьба со своими поворотами и этот самый крутой, который выкинул нас на обочину. Неужели вот так мы должны платить за чьи-то ошибки, так Господь нам уготовил закончить жизнь? Поверил ли я в Бога? Если он есть, то она была бы жива. Мне не верится, но какая теперь разница, ведь я могу молить только об одном – о смерти, чтобы поскорее оказаться рядом с ней.

Глава 1.1

Несколько месяцев назад в Москве

Мирослава

– Вольная, это серьезно ты? – восклицание раздалось где-то справа.

Не могу понять, малышка в бежевом платье-халате от Armani, напротив меня возмущена или в восторге.

По правде говоря, я сама еще не знаю, как относиться к этому фурору своих полуобнажённых фотографий. Но то, что мне это нравится – быть в центре внимания, осознавать, что на уровне профессиональных моделей я выгляжу ничем не хуже, – приятно.

– Ага, я, – признаюсь, улыбаясь как дура, отпивая кислочее шампанское из своего бокала.

Хорошо было бы притормозить, но к черту всё, не сегодня. Волнение дает о себе знать дрожью в пальцах и периодическим сравнением себя с остальными красотками на фотографиях. Они, как-никак, модели, милочка, а не любители.

Да и к черту! Расслабляюсь и ловлю кайф в моменте.

– Мирка – это красиво, очень красиво! – Диана, раскрывая рот, ходит туда-сюда напротив черно-белых огромных фотографий, разглядывая их с разных ракурсов. – Ты похо-

жа на... на..., – потирает пальцами, сощутив большие карие глаза, не может вспомнить...

– Богиня, конечно, – самодовольно хмыкает друг.

На арену вальяжно вышел сам творец, весь облаченный в белое: рваные узкие джинсы, рубашка с подкатанными рукавами небрежно расстёгнута чуть ли не до пупка, чтобы показать красивое, сухое тело. Бронзовый цвет кожи и браслеты на руках говорят о том, что он недавно вернулся с Бали, где и выгорели до блонда его когда-то светло-русые волосы.

– Ооо... и это говорит мне сам Эрос, – подмигиваю, поправляя черный пиджак, который надет на голое тело.

Смеется черт, стреляет молниями из серых глаз.

– Давайте выпьем, девочки, – хватает бокалы и подаёт нам. – За Вольную, которая вернулась! – сам чокается и выпивает залпом бокал. – Волнуюсь, уж извольте, сударыни.

– Петров, – прижимаюсь к нему, скрываясь от всех. Даже на высоких черных шпильках я по плечо этому парню.

– Я тебе говорил – это будет шедевр, а ты всё бегала от меня, – наигранно скорчил рожицу обиженного.

– Извини, я была не права, – выпиваю шампанское. В голове крутится: “ну и куда в тебя лезет столько, притормози”.

– Ещё раз, я плохо слышу, – подставляет ухо, играет на камеру для Ди. – Давай, вон туда смотрит, – разворачивает моё лицо к подруге.

– Петруччо, ты был прав, это шедевр! – волнение уходит на задний план, приходит осознание того, что я наконец-то

на своём месте, среди своих друзей, по которым скучала все десять лет. И если Ярик наш частый гость на Юге, то с Дианой мы виделись лишь дистанционно, и пару раз я прилетала к ней в Москву. Это, конечно, не помешало нам быть подругами, но мне её жутко не хватало.

– Только что на это скажет генерал, если узнает? – озвучиваю вопрос, который тревожил всех.

– Мирослава Витальевна, так вы ж не девочка, поди, 25 лет от роду, считай это подарком на день рождения, – разводит руками, позируя у фотографий. – Да ты тут ещё и одета, – указывает на фото других моделей. – Ну, почти одета.

– На день рождения были права, – закусываю губу, чтобы не рассмеяться от воспоминаний, как генерал-майор меня учил водить на патрульной машине. Никогда бы не подумала, что мой папа курит.

– Да, у него столько дел сейчас, сюда он точно не доберется, – вздыхаю, закусывая губу, чтобы не показать грусть лишний раз.

Переехать в Москву, чтобы сразу его потерять на долбаной опасной работе – прекрасно! Это вторая сторона медали.

Фотограф уплыл на волнах славы давать интервью очередной красотке или стильному красавчику, а я с радостью смотрю на подругу, которая к шампанскому так и не притронулась. Слежу за её взглядом и, конечно же, мне подмигивает самоуверенный, накаченный, коротко стриженный шатен в стильном классическом костюме и белой рубашке, хорошо

хоть без галстука, а то словно Бонд на важном задании. Хотя, если словить хотя бы один его взгляд в сторону подружки, то сразу станет понятно, что для него она суперважна.

– Ди, а чего не пьешь? – решаю подбросить дров в этот тлеющий костёр. – Тут вроде нет ни родителей, ни братьев, да и нам не по двенадцать лет, – поднимаю свой бокал и демонстративно выпиваю, наблюдая, как она исподлобья смотрит мне за спину.

– Рус, можно? – шепчет, еле дыша, губы покраснели, вот это огонь, мне бы так.

Мужчина за спиной прокашлялся.

– Чуть-чуть только, – даже шепотом этот бас звучит очень громко.

Улыбаюсь про себя. Кому-то страсти обеспечены.

Ох, давно ли я так горела от любовных переживаний? Что-то не припомню. Вздыхаю, осматривая мужчин вокруг. Последний Пашка, сын местного депутата на Юге, такой себе был любовничек. Маменькин нытик, одним словом, ни мнения своего, ни статуса, ни стержня, ни эротических фантазий. В постели мы словно играли в корриду, только матадор из него хреновый, мой внутренний бык с ним через пару недель даже связываться не захотел, лучше бы он так и продолжал за мной мило ухаживать, одаривая глупыми разноцветными лилиями, запах от которых будут долго выветривать новые жильцы. Потом черед неудачных свиданий.

Хорошо было бы уже кого-то здесь подыскать. Осматри-

ваюсь по сторонам в поисках “жертвы”. Желательно брюнет. Веду глазами по гостям, и там вроде есть пара высоких и сбитых мужчин. Один почти лысый, второй с шевелюрой. Очень даже сексуальные. Закусываю губу, представляя игры в соблазнение и кокетство, мысленно прикидываю, сколько мне придётся играть недотрогу, чтобы выглядеть приличной девочкой. Я такие игры не люблю, да я вообще игры не люблю. Разве что флирт, кровать. Ох, стало жарко. Мне бы только оппонента с темпераментом посерьезнее. Запиваю свои представления шампанским.

– Мир, а это кто-то купит? – толкнула меня Диана. Подруга, видимо, давно рассуждает вслух и указывает на моё фото.

– Ага, кто-то купит, ценитель такого искусства, – киваю.

Про себя надеюсь, что это будет тот самый поклонник из Испании, который покупал несколько предыдущих работ с моим участием. Может, в этот раз он поймёт, что девочка выросла. И девочке не придётся выходить на “охоту” в этот зоопарк. Обречённо вздыхаю, не нравятся мне они. Никто не нравится.

– Мужчина? – заиграла густыми коричневыми бровями.

– Ага, скряга какой-нибудь, – толкаю её локтем, и мы обе заливаемся смехом.

– Давай сделаем фото, – Ди настраивает камеру и делает пару селфи, в которых я прижимаюсь к ней, целую в щеку своими бордовыми губами.

– Знаешь, Яр вообще нас позвал в клуб праздновать от-

крытие выставки, – не успеваю договорить.

– Никаких клубов, – Руслан оказался совсем близко.

Вот тебе на! Корчу недовольную гримасу.

– Этот парень всегда портит тебе веселье? – громко шепчу на ухо подруге, зачесывая её короткие каштановые волосы назад.

– Да, Мир, сам не веселится и другим не дает, – дерзнула, вызвав моё уважение. Уж не знаю, что на неё так подействовало: шампанское или нотки секса в этом помещении.

– Это что, кто-то купит? – указывает на мои фото.

– Ага, богатей какой-нибудь, – прикусываю язык, чтобы не взболтнуть лишнего и не показаться вульгарнее, чем есть на самом деле.

– Вот, молодёжь пошла, – улыбается.

– Кажется, айсберг тает, – смеюсь, положив голову подруге на плечо. – А вы значит у нас пещерный, старый человек?

– Ага, – улыбается, – всё ещё за мамонтом с дубинкой гоняюсь, – смотрит в свой телефон, между прочим, совсем не доисторический.

– А я думала, у вас будет кирпич, – продолжаю перепалку, за что получаю щипок в бок от Ди.

– Ау, ну что ты? – улыбаюсь во весь рот от её реакции.

– И такой есть, в машине покажу, – мужчина расслабился или сделал вид.

– Диана Бесарионовна, не пора ли домой? У тебя завтра зачет утром, – уважительно, словно отец, заботится о ней.

Это плавит моё сердце. Вот так просто мужчина может проявлять силу в заботе, как делает мой отец с мамой. И как невозможно делать со мной. Я другого калибра, что ли?

– Да, Мир, мне правда пора, этот декабрь даст жара, – измученно закатывает глаза. – Доведем тебя?

– Ага, благодарю, – грустно киваю. – Ловить тут всё равно нечего.

Машу Петрову через весь зал и ловлю в ответ строгий взгляд. Ох и припомнит он мне это бегство, но я тоже не готова пока к местным клубам, особенно таким как “Кобра”.

Вместе с уровнем профессионализма Яра вырос уровень его жизни, да и уровень заведений, которые он теперь посещает, совершенно иной – элитные. Чаще всего закрытые вечеринки, тематические клубы, о которых я бы в жизни не узнала, если бы мой дружок не обожал делиться занятыми историями.

– Я тебя люблю, – посылаю воздушный поцелуй.

– И я тебя, – ловит ладошкой. – Валентине Борисовне пламенный привет! – и снова переключается на гостей в модных одеждах.

Как же приятно видеть счастливым и популярным моего дворового мальчика, которого я защищала от злых девочек во дворах южного города. Которому вырезала из волос жвачки и в которого верила, и верю по сей день.

В гардеробе у милой женщины мы получили свои шубки и платки. Уж зима в Москве точно не радует, но я словно

дышу полной грудью: стоило только вернуться в этот город, для кого-то жестокий, для кого-то опасный, а для меня просто родной. Я словно прибыла на своё место, чтобы рвануть дальше в плавание. Ох, что же ждёт меня?

– Прощу, милые дамы, – Руслан открыл перед нами дверь очередного дорогого черного седана, на этот раз Mercedes.

– Я всё подруг не привыкну к тому, что ты каждый день меняешь машины, – усаживаюсь на удобное черное кожаное сиденье. – Хорошо хоть водителей не меняешь, – ловлю улыбку в зеркале заднего вида.

– Это всё Руслан, – бубнит на соседнем сиденье. – Брат вернулся и теперь у них какие-то дела разного характера: то обеды, то переговоры, то тренировки, ещё что, – размахивает тонкими красивыми пальцами с французским маникюром. – Вот я и катаюсь, это мы ещё за тобой на пикапе не приезжали, – закатывает глаза. – Да, Руслан? – щеки краснеют, когда трогает его плечо.

– Да, Диана Беарионовна, – мальчишка мил и хвастлив. – Но вам же понравилось?

Улыбаюсь во все тридцать два от их родной беседы.

– Ага, всем понравилось в центре города-то на площади, отвез на завтрак, – её глаза потеплели от воспоминаний.

Стало неловко. Пытаюсь вспомнить что-то своё, да вот только моя жизнь больше похожа на поле боя одинокого солдата.

Мы быстро оказались возле высоких кованых ворот элит-

ной многоэтажки – ещё один плюс новой папиной должности. Да, это не наша старая советская девятиэтажка, из которой мы наспех уезжали десять лет назад. Это большой красивый комплекс с видом на водоём, а апартаменты здесь раза в три больше предыдущих, охрана везде, камеры. Только мне в том простом и веселом районе нравилась дружеская атмосфера. Ребёнком я любила, когда из школы нас забирала тётя Мариам, и на кухне мы пили чай с самыми вкусными пирогами во всей Москве. Удивительно, как Ди преобразилась и стала такой худышкой.

– Руслан, вы бы не могли мне оказать честь? – подмигиваю в зеркало.

– Конечно, всё ради молодого сердца! – смеётся он.

И весь этот цирк из-за Ваньки, что сидит на проходной и тайно желает свидания со мной. Руслан галантно подал мне руку и проводил к калитке, где молодой ревнивец выглядывает жертву в оба глаза.

– Приобними что ли, смотрит, – шепчу, поворачиваясь к нему. Ни стеснения, ни волнения; наверное, потому что этот мужчина всецело занят, да и не в моём вкусе.

Только вот вопрос остаётся открытым: а кто тогда в твоём вкусе, Мир, если не этот Аполлон?

– Я и вот так могу! – крутанул меня возле калитки и опустил, словно в танце, наклонившись следом.

– Я не могу! – пытаюсь сдержать смех, но когда вижу его красное лицо напротив, взрываюсь. Скользкий асфальт вку-

пе с высоченной шпилькой равно неизбежное падение обо-
их.

– Ахахах! – смеётся басом. Сидит напротив меня, поку-
сывая пухлые губы. – Не ушиблась, актриса?

– Нет, нормально, – пытаюсь подняться, но попытки тщет-
ны. – Вот теперь он точно не подойдёт, кому нужна покале-
ченная неуклюжая дама, – бубню под нос. Опираюсь на его
руку, он помогает мне встать.

– Вы там в порядке? – звонкий голосок и Mercedes.

– Да! – поправляю длинные каштановые локоны. – Ну
вот, кажется, миссия провалена. – Отходя, машу рукой. – До
встречи, красотка.

– До встречи, Мир! – смеётся, пересаживаясь на пасса-
жирское сиденье.

А я обречённо вхожу во двор, освещённый фонарями.

– Добрый вечер, Мирослава, как ваше свидание? – ухмы-
ляется он. Ну, конечно, теперь он будет издеваться.

– Добрый, Иван, благодарю, – отлично, – улыбаюсь. А что?
Пусть знает, что шансов у него нет. Перекачан до невозмож-
ности – не люблю таких.

– Если бы пошли со мной, были бы целее, я девушек на
асфальт не роняю, – цокает, пытаюсь меня покорить в форме
охранника. Господи. Охранники все мои, неужели я на что-
то большее не гожусь?

– Это у нас ролевые игры такие, знаете, БДСМ и всё такое,
– бегу к подъезду, хихикая как дурочка от того, что сморо-

зила. БДСМ? Даааа, Мирослава Витальевна, ну вы и выдали, у парня челюсть так и осталась на земле.

В лифте смотрю на своё отражение. Разгорячённая после смеха девчонка двадцати трёх лет с длинной копной каштановых волос, которой гордится женская половина нашей семьи. А вот ярко-голубые глаза отцовские. Невысокого роста, до супермодели не дотягиваю, а вот для фотомодели мои 162 сантиметра – самое то, если верить Петрову. Не сказать, что я худая: 42-44 размеры, но всё-таки стоит подсушиться и позаниматься с папиным инвентарём на балконе, не хочется одной идти в зал.

Захожу в одну из трёх дверей на 15 этаже.

– Мам, пап? – скидываю шубу, вешая её на вешалку и убирая в большой зеркальный шкаф.

– Привет, гулена! – мамочка встречает меня в бирюзовом длинном шелковом халате. Она у нас красотка, несмотря на свои 42 года: стройная, с натуральной красивой грудью 4-го размера. А вот волосы недавно эта бунтарка обрезала в коре и выкрасила в пепельный блонд, глаза карие с зелёными вкраплениями. Я всю жизнь о таких мечтала, тёплых, как ранняя осень.

И если бы не поступок со стрижкой, в жизни бы не знала, что наш папа такой сентиментальный – он ей за косу устроил такой скандал, я диву далась. Мои родители не из тех, кто проявляет любовь прилюдно, скорее, тихо в спальне и за закрытой дверью.

– Мамуль, – целую её в обе щеки, – а чем это у нас таким вкусным пахнет? – заглядываю за её спину на кухню.

– Мирослава, а блузка для этого костюма не предусматривалась? – большие глаза округлились.

– Мам, там боди! – крадусь как лиса на бирюзовую кухню, откуда доносится запах корицы. – Вот, – расстегиваю пуговицы чёрного пиджака и показываю кружевной бежевый боди.

– Мирослава, – удивляется она, разливая чай по белым кружкам. – Ох, и разбаловала тебя отец.

– Ну, мамуль, – хватаю маленькую булочку с корицей. – Это же те творожные?

– Они, – ставит передо мной кружку и садится напротив за круглый деревянный стол. – И как с вами бороться?

– А чего с нами бороться? Мы же вольные! – смеюсь, наслаждаясь любимой выпечкой. Кажется, с самого утра ничего не ела, да и от алкоголя аппетит проснулся.

– Вольные? А я по вашему безвольная значит? – всплескивает руками, а в голосе слышна обречённость и обида.

Ещё бы, десять лет назад она оставила должность главного бухгалтера в хорошей фирме ради прихоти и продвижения на службе отца. Вот и сейчас история повторилась. Без разговоров наше семейство упаковало всё в коробки и отправилось в столицу ради очередной звезды на погоны. И этой женщине это явно не нравится, но она – мой пример лучшей в мире жены, друга и мамы.

Ради генерал-майора Вольного даже преподаватели вуза пошли на уступки, и все экзамены у меня приняли экстерном, так что я тоже не насладилась студенческими тусовками. Но за такие неудобства получаю полную свободу действий в рамках закона и анонимности. Спасибо отцу за это, он не афиширует свою личную жизнь, я даже не уверена, что кто-то из сослуживцев знает о том, что у него есть семья.

– Мы же тебя любим! – посылаю воздушный поцелуй. – А папа где?

– Где, где, в штабе своём, – недовольно сморщила брови.

– А ты чем занималась? – спрашиваю между делом, с тоской поглядывая на булочки, но больше нельзя.

– Всё тебе расскажу, – оживилась, сощурила глаза. – Искала работу, – заправляет короткие пряди за уши.

– Вау, и? – нервничаю, щекотливая тема. Мне бы тоже стоило задуматься насчёт работы, но скорее всего после Нового года, что-то не очень хочется из огня да в полымя, как маме.

– Пока ничего, праздник на носу ведь, – расстроена. От меня её огорчение не скроешь, и оно вовсе не в отсутствии работы, так как денег у нас сейчас предостаточно. Да и папа будет только рад, если она дома останется. Тут что-то другое.

– Ты же крутой спец, найдёшь! – улыбаюсь, хочу её тёплую улыбку. Не по себе, когда наше тёплое домашнее солнце грустит.

– Ага! Ты мне зубы не заговаривай, дорогуша, кто это тебя постоянно на разных машинах к дому подвозит? Пару недель

в Москве, а уже ухажёра нашла? —

— Ма! — возмущаюсь, кровь закипела. — Ну какие ухажёры? — убираю за нами кружки в мойку, чтобы не пришлось смотреть в глаза этой пронизательной женщине. — Это Ди с охраной.

— Диана? Тваури? — тяжело вздыхает.

Ох, этот тон заставляет покрыться неприятными мурашками.

Медленно поворачиваюсь на пятках, нахожу в себе смелость посмотреть прямо в глаза. — Ага, она, а что?

— Папа наверняка не будет рад, — поджала губы, глаза бегают — это значит, она о чём-то думает. Атмосфера накаляется.

— Почему это? Знаешь, пусть наш папа радуется, что мы мигрируем все вместе без истерик, — меня накрывает волной злости.

— Этому не рад, тому не рад, Валя уволься, Мира закончи два года за один, сюда не ходи, что отец в органах не говори, то не говори, се не говори. Ух, ещё и заставить зимой в столицу ехать, в самый холод. А может быть, я бы лучше его на Юге пережила — там точно ниже десяти градусов не бывает.

— Закипаешь, дочь, остынь! — мама прервала меня своим смехом. — Я не знаю, что у мужчин там десять лет назад стряслось, но постарайся просто ему не рассказывать об этом, не попадаться на глаза и, ещё — тычет в меня указательным пальцем — ни в какую историю не влипнуть.

– Ага, ещё не дышать, не смотреть, не выходить из дома, да и вообще не жить! – заканчиваю, шагая к себе в спальню.
– Мирослава! – кричит в спину грозно, но с пониманием.
– Сладких снов, ваши пожелания приму к сведению! – закрываю за собой белую дверь.

Паршиво себя чувствую от того, что сорвалась на маме, хотя она по сути ни в чем не виновата, такая же жертва обстоятельств, как и я. Ух, совесть проснулась. Оставляю костюм на вешалке в небольшом гардеробе.

СМС от Петруччо: “Звезда, твои снимки выкупили, процент переведу по окончании выставки”.

Я: “Ого, да я богачка, можно не думать о работе”.

Сразу становится веселее. Деньги к празднику очень кстати, смогу купить маме сумочку от Michael Kors, о которой она мечтала.

Петруччо: “Да, Вольная, можешь просто позировать мне))) люблю”.

Я: “Люблю)*”.

Что может повысить настроение женщине? Конечно же, мысли о шопинге. А ещё утром нужно перед Валентиной Борисовной извиниться, нехорошо получилось. Совесть грызет червячком в груди.

Как только голова касается белоснежной мягкой подушки, рой мыслей о будущем тут же успокаивается, а на смену им приходят не менее неприятные мысли: чем заняться?

Или кем заняться? Не сказать, что я горю желанием идти работать с девяти до шести в потном офисе.

Снова звонок.

– Что делаешь, подруга? – смеётся.

– Уснуть пытаюсь, – зеваю, поправляя свой женственный розовый пенюар.

– Классный был вечер, я так рада, что ты вернулась, – улыбается, пытаюсь отдышаться.

– Я тоже очень рада, представляешь, мои фотографии купили! – радость от этой новости меня распирает, а с кем ещё я могу поделиться, как не с ней? Маме пока рано про такое говорить: её инфаркт хватит.

– Вау, так ты звезда? – восхищается. На заднем фоне слышен мужской смех. Становится не по себе. Если это Руслан, то точно ему припомню, юморист хренов.

– Ага, звезда, пойдём в клуб после закрытия выставки отмечать? – сама не верю, что предложила такое. Это же сколько интроверту нужно храбрости набраться, чтобы переступить порог людного элитного заведения?

– Я не уверена, – перешла на шёпот.

– Почему? Из-за мужчины за рулем? – давлю, люблю загонять её в угол и наблюдать, как она стесняется.

– Ты всё видишь, – смеётся.

– Чтобы вытащить его чувства из панциря, нужно разозлить. А что может быть лучше, чем клуб, набитый парнями? – разглядываю свои ногти с красным маникюром, кото-

рый уже приелся. Точно нужно сменить на более холодные оттенки, может быть белый – да неплохо.

– Ты всё знаешь, – смущается. – Да, Амиран, иду, – отвечает. Так вот кто там смеётся на заднем плане – её брат.

– Ладно, принцесса, сказочных снов, – начинаю проваливаться в сон.

– Сказочных, Вольная.

Обе целуем трубки с причмокиванием.

Амиран... кто такой этот Амиран? Пытаюсь вспомнить всех братьев Ди. В голове крутится образ худого высокого парня с синяком на скуле. Наверное, он тот, что однажды влетел на маленькую кухню, когда мы обедали у семьи Тваури. Картинки из прошлого мелькают перед глазами, пока я не проваливаюсь окончательно в сон от усталости.

Глава 1.2

Амиран

– Как ты долетела в этот раз? – осматриваю красивую женщину напротив себя.

– Спасибо, Амиран, отлично. Саша хорошо пилотирует, – улыбается.

Правильно взяла бокал за ножку и отпила маленькими глотками. Промочила губы салфеткой – идеально. Чёртовски идеальна! Это определённо возбуждает. Она как породистый, дорогой арабский скакун, которых я никогда не покупал. Да и скачками я не интересовался. Но среди женщин она та самая породистая лошадь.

Невозможно было найти партию лучше, чем она. Лия – прекрасная, красивая женщина, на пару лет младше меня. Высокая, ухоженная, правильная, занимается благотворительностью, увлекается искусством. В Милане у неё есть галерея. У нас будут прекрасные дети. Она – лучшая кандидатка в жены. К тому же её отец владеет сетью клиник и не последний человек в городе. Вроде бы всё хорошо, как ты и хотел, Амиран.

Хм... Чёрт. Но в груди что-то сжимается от мысли, что я женюсь на ней, и это вовсе не приятная легкость или волнение. Что такое приятное волнение я знаю, я испытываю его

каждый раз, когда оппонент подписывает контракт на моих условиях.

– Да, Саша – лучший пилот, – выдаю на автомате.

Меня как током ударило. Понял, чего мне не хватает в ней – жизни. Её вечная улыбка иногда пугает, кажется, эта женщина не умеет обижаться или злиться. Она скована, неподвижна. И как меня это не напрягло в сексе? Мне показалось, что это романтика?

Сегодня она в прекрасном зеленом платье с узкой юбкой и закрытым верхом, на шее и ушах поблёскивают бриллианты, которые дарил я в Милане. Умеет подстраиваться и делать приятно, как и все вокруг, как и все. И это всё скорее меня расстраивает. Обманчивый, безэмоциональный, приторно сладкий мир.

– Амиран, ты пойдёшь со мной на благотворительный вечер в честь нашего фонда? – вежливо, улыбается, снова промакивая большие губы салфеткой.

– Когда он? Мне обязательно там быть? – стал ловить себя на мысли, что мне даже нравится такое ведение дел. Приятные вечера на двоих в ресторане, её правильные манеры. Но есть то, чего я не мог уловить, понять. Почему? Потому что мне казалось, что романтично – это так. Но разве это чопорно? Улыбаюсь мысленно себе, пробуя это понятие “романтично”.

Не сказать, что я заморожен на сексе. Секс для меня – это интересная приятная игра, которая начинается задолго до

кровати. Я пресыщен сексом, в моей жизни его было много и совершенно разного, чтобы обращать сейчас на это внимание. Тем более секс с этой женщиной вполне хорош. Стараюсь отогнать от себя эти мысли и сосредоточиться на разговоре.

– В следующую субботу, – объявила она, не забыв сказать официанту “спасибо”, когда тот забирал наши тарелки.

– Да, тебе желательно уже погружаться в открытое пожертвование и финансирование. Плюс – это отличный повод, чтобы заявить прессе о том, что мы помолвлены и назначили дату свадьбы, – гордо подняла узкий подбородок.

– Да, ты права, – фальшивая улыбка сама натягивается на лицо. – Отправишь мне время?

– Мой ассистент свяжется с твоей помощницей, – парировала она.

Восхищён. Да, у этой девочки есть хватка! Как она всегда ловко обходит мои дела и разговоры о них стороной. Мне это нравится.

– Мне нравится твой подход, – открыто хвалю, подмечая про себя, что в очередной раз не ошибся с выбором. А как же, присматриваться почти десять лет.

– Амиран, может, пройдемся, обсудим церемонию, медовый месяц, – устроила подбородок на сложенных руках и смотрит на меня большими карими глазами.

– Ты же знаешь, что в этом я полностью доверяю тебе? – взял её руку. – Ты прекрасно руководила ремонтом и сделала

именно то, что я хотел! Лия, ты угадываешь любое моё желание, – легко говорю абсолютную правду. Правду, которая меня иногда пугает. Наверное, потому что я знаю, из какой она семьи и что скрывается за всей этой скромностью. А не это ли меня привлекло? Очередные возможности.

– Хорошо, – заморгала и опустила глаза.

– Лия, я буду согласен на всё, по охране я решу вопрос, утвержу список гостей, куплю себе костюм, – мы вместе рассмеялись. – Но во всём остальном ты лучше меня знаешь. А медовый месяц хочешь на островах?

– Да, давай на Мальдивах, – глаза загорелись. – Я уже даже подобрала пару вилл.

– Давай прогуляемся, у меня свободный вечер, – оплатил счёт.

– Да, – прекрасные глаза блестели.

Влюблённая женщина – это настоящий пожар.

Помог ей надеть её шубу, надел пальто, и мы вышли на улицу, пройтись по брусчатке под руку, совсем как в Милане. Стараюсь увлечённо слушать о её фондах, о вечерах, о том, как лучше поступить для прессы. Лия на каблуках почти догоняет меня, и мне от этого комфортно, люблю высоких женщин и их длинные ноги. Мы вспомнили походы в театр и оперу в Риме, нашу короткую жизнь в новой квартире. И даже как я пару раз летал к ней в Лондон в студенческие годы.

Нашу прогулку прервал телефонный звонок.

– Амир...

Серьёзный тон Руслана заставил меня напрячься. Что-то случилось.

– Слушаю, – напрягся.

– Да, ничего серьёзного, привёз тебе фотографию, а тебя, по-видимому, нет дома. Не в шкафу ж ты прячешься, – хрустит яблоком. – Может, в клуб её отвезти?

– Нет, подожди, сейчас буду, – кладу трубку, выдыхая.

Лия что-то печатает в своём телефоне.

– Я написала водителю, он подъезжает, мы можем тебя довезти, – спокойно, словно её не задевает, что наше сегодняшнее свидание не закончится в постели. Сдержана, держит обеими руками свою сумочку.

– Я благодарен тебе, – обнял её и поцеловал в щеку.

– Нам точно лучше жить в разных квартирах до свадьбы? – подмигиваю.

– Амир, точно. Я у отца живу, – положила ладонь на мою щеку и смотрит в глаза, закрывая свои.

Я был бы настоящим дураком, если бы не понял, что это призыв к поцелую. Это, скорее, поцелуй благодарности: мягкий, нежный, осторожный. Мои руки так и продолжают сжимать телефон, как и её оставались на том же месте. Она не открывает глаза, пока я не разорвал наш поцелуй.

– Едь, спасибо за вечер, – она махнула в сторону ждущего её авто.

– Тебе спасибо, – открыл перед ней дверь и захлопнул её,

смотря, как она уезжает.

Еду домой, разгоняя Бентли до 120. Не терпится увидеть своё приобретение. Забываю напрочь о вечере, о неудобствах, о женщине, о свадьбе. Да, я забываю обо всём, словно дома ждёт меня новый раритет на колесах. Как мальчишка, несусь к новой игрушке. Последний раз так себя чувствовал, когда за свои деньги купил первый 911.

– Признаться честно, есть талант у парня, – подметил Руслан, рассматривая огромное фото полуобнажённой девушки. Картина почти в его рост, а он у нас не маленький – 1.80 как-никак.

– Есть, кто ж спорит, – разглядываю модель, давась слюной.

Её голубые глаза и эти высокие румяные скулы! А пухлые губы бантиком чего стоят? Она вызывает во мне бурю противоречивых эмоций – от желания до ненависти. Хочу её, словно она новая машина из любимой серии Mercedes. Улыбнулся, пытаюсь прогнать это чувство – чувство, которое заставляет ощущать себя живым, разгоняя кровь по венам с бешеной скоростью. Такого со мной ещё не было. Я готов признаться, что до этой секунды я не дышал, я не знал, что такое воздух, я не понимал его вкус, его запах, его необходимость.

– Амиран Бесарионович, вот кого вы пытаетесь надуть? –

рассмеялся друг. – Ты уже минут десять глаз не сводишь с этой Ми-ро-сла-вы, – читает по слогам её имя на стикере, – а фамилия-то какая? Вольная, хм, – корчит удивлённое лицо.

– Я успел воды выпить и яблоко съесть, а ты всё подбородок потираешь. А это, мы помним, знак недобрый, значит, ты думаешь. А это, в свою очередь, значит, что на ушах мы все стоять будем, – жестикует руками со знанием дела.

– Русик, – оскалился, знаю ведь, что друг не любит, когда его так называют, – вот что ты несёшь? Досье на неё? А? Которое ещё вчера должно было быть у меня, – потер переносицу пальцем.

Надо с него обязанности снять, а то и так загонял его как лошадь. Присмотр за Ди с него и сниму; хватит ему её охранять, давно уже моя правая рука, пусть полноправно вступает в должность. Иначе с объединением семей после свадьбы я точно свихнусь, пока всё утрясу.

– Так, знаешь, на дочь генерал-майора ничего не нарыть, или попросту она чиста. Но одно скажу тебе точно: в реале она намного горячее, – присвистывает, толкая меня в плечо.

Подшучивает, сукин сын. Злюсь, прямо сейчас бы ему в морду врезал, самодовольную. Неужели так видно, что я её хочу, если, конечно, не брать явные признаки в штанах? Я всё ещё гипнотизирую девушку с портрета. Блин! Что за чувство в моей груди? Ревность? Откуда?

– Так может, приударить? – сам не замечаю, как выхожу из себя, сжимая руки в кулаки.

– Ахаха! – звонко рассмеялся Руслан, засовывая руки в карманы чёрных брюк. – Да нет, брат, от тебя пулю словить не хочу.

Я лишь промолчал. Что скажешь на правду? Отнекиваться, как баран, не будешь, а вот желание сейчас ему в лоб пулю запустить появилось, даже за мысли о ней приударить.

– Ладно, поехал я за Ди и Мирой, они сегодня у Вольных собираются. Еды там заказали, шампанское купили, знаешь, обмывать покупку. Дианка не призналась подруге, что это ты купил, – о сестре всегда с улыбкой. – Поэтому я весь твой на вечер.

– За ними следи лучше, вдруг пойдут куда, – меня раздражает, что я не могу быть там, не могу сам следить за ней, посмотреть на неё.

– Их друг у нас в клубе сегодня снимает, Анжелка его наняла.

– Никуда не пойдут, просто семейные посиделки. А если пойдут, позвонят. А если уж к нам в клуб, то я там буду – присмотрю, – обречённо вздыхает.

Надел пиджак, поправил рубашку. Все эти костюмы – тоже для него те ещё испытания.

– Поехал я, дружище, у нас там в клубе бардак, его разгрести надо бы. Да и ты сегодня что-то не в форме, смотрю. Этот Дато полный придурок, скажу тебе, заебал он меня со своей охраной, везде нос суёт. Доконают они тебя, – тяжело вздохнул, похлопав меня по плечу. Он единственный, кому

не нравится эта история со свадьбой и моим рвением к объединению с этой семьёй. А может, просто единственный, кто не скрывает этого.

– Знаю, – хочу остаться поскорее наедине со своими мыслями и девочкой на фотографии. – Рус?

– Да? – останавливается в дверях и оборачивается в полоборота. Его глаза устремлены куда-то в пол, пальцы беззвучно пощелкивают. словно он боится услышать эту просьбу от меня.

В эти несколько секунд время словно замирает, и я, колеблясь, не могу чего-то уловить, не могу понять, что это? словно это какой-то очень важный момент. словно слова, которые я дальше произношу, меняют всю реальность.

– Собери мне досье на госпожу Вольную. Личное, – произношу спокойно, решив уже сейчас для себя всё, что касается этой девочки. Расстегиваю пару пуговиц на рубашке и принимаюсь за платиновые запонки.

Руслан поднял глаза на меня. – Насколько личное?

Конечно, это его риторический вопрос. Его возможность меня остановить.

– Не прикидывайся. Хочу знать всё: от первого ухажёра до сегодняшнего, чем увлекалась, чем увлекается, где отдыхала, сколько раз, – стараюсь не смотреть на друга, словно боюсь передумать.

– Я спрошу только один раз. Ты уверен? Может, останешься? – он прищурил глаза, всё ещё в надежде, что я передум-

маю.

– Уверен, – без колебаний.

Слишком уж эта маленькая барышня засела у меня в голове. Чёрт с ней. Решаю просто посмотреть её досье, понять, что там нет ничего привлекательного, кроме красивого тела, и на этом поставим точку.

Хотя история этой пташки, которую я знаю, уже нечто удивительное. Улыбаюсь про себя. Разве так может быть? В моей голове картинки с нашей первой встречи, когда ей-то было лет 14. Малышка с длинными шоколадными косичками на кухне моей матери. И зачем я тогда приехал домой? Это был вечер с гостями.

– Я просто напомню, что все проблемы всегда из-за баб. А птичку ты на этот раз выбрал необычную, учитывая, – он намекнул на мою свадьбу и на её отца.

– Знаю, спасибо. Просто хочу знать для безопасности Ди, – вру. Какой нахуй безопасности, что я несу? Я хочу её как сумасшедший. Никого в жизни я так не хотел, ни к кому меня так не тянуло. Стараюсь переубедить себя, но не выходит.

– Будет сделано, – хлопнул в ладоши. – Я поехал, как что-то узнаю – позвоню.

– На связи, если что, и спасибо, что контролируешь. Что-то с этими всеми событиями совсем расслабился, – пытаюсь думать о делах, о поставках в Мексике и переговорах в Милане, но циклично возвращаюсь к мыслям о ней.

– Ещё успеешь, вот женюсь на Вольной, – смеётся.

Сукин сын, знает меня как облупленного, теперь будет подкалывать всё время. Снова поймал себя на мысли, что закипаю, будто у меня хотят отнять что-то: бизнес, первенство... мне хочется драться.

Тут же раздался ещё один телефонный звонок, а затем ещё и ещё. Неприятный разговор с Дато и это навязывание слишком уж дорогого по моим меркам подарка в виде его сестры Лии. Которой отправляю букет роз, попутно думая, что будет, если на этот раз я выйду из своей же игры?

Глава 2

Мирослава

– Мам, сегодня Диана придет! – кричу из своей гардеробной.

Всё из рук валится, опаздываю на встречу с Петруччо. Он попросил помочь выбрать подарок для своих великих, сильных женщин, которые в одиночку его вырастили: бабушек и мам.

Быстро смотрюсь в зеркало, представляя в голове его истерику по поводу моей пунктуальности.

Вроде ничего, выгляжу: узкие черные джинсы, сверху любимый большой серый свитер, обычные кожаные башмаки на шнуровке, без каблуков.

– Почему ты раньше не сказала? Я бы что-то приготовила вкусное, сейчас уже ничего не успею, – взволнованно ответила мама, открыв холодильник и ища то, что можно приготовить, грохоча баночками.

Стремительно мчусь на кухню, чтобы успокоить её. Обнимаю её, устроив острый подбородок на мягком плече.

– Не суетись, мы посекретничаем, закажем доставку, тебя раскрутим на пару интересных историй о молодости с нашим папой, – заигрываю.

– Ах, вот вы какие, мать значит разболтать хотите. Ладно,

папа всё равно в своих вечных командировках, – пытается скрыть обиду. – Но мне неловко, Мир, всё-таки это Тваури, черти знает...

– Так, Валентина Борисовна, возьмите себя в руки, вы взрослая женщина. Мы с Ди подруги, ничего страшного не случится. Ну максимум её охранник будет стоять у двери. А что было между парнями – не наше это женское дело, – театрально закатываю глаза, зная, что на маму это действует успокаивающе.

– Мирослава Витальевна, а в кого это вы у нас такая мудрая? Вы никуда не опаздываете? Будете мне тут мать учить? – потрепала меня за подбородок. – Вон как похудела, щек совсем не видно. Беги уже.

Закутавшись в чёрный пуховик по колению, поспешила на метро к ожидающему меня другу. В голове постоянно крутились события прошлого вечера: кто же купил фотографии? Здесь, в Москве, есть реальный шанс встретить мужчину мечты или, может быть, просто хорошо провести время. По правде, не хочется снова в обречённые на провал отношения. А кто он, мужчина твоей мечты, Мирослава? Какой-нибудь горячий брюнет? Гормоны – это не шуточки, а у меня они сейчас очень здорово разыгрались.

Чёрт, а вдруг он красавчик? Надо Яра аккуратно расспросить. Улыбнулась сама себе. Всё же может измениться в одну секунду, правда?

Полдня мы бегали, как ужаленные, по магазинам, выби-

рая друг другу новогодний наряд на супервечеринку, на которой он будет снимать. И ещё один наряд на благотворительный вечер фонда сирот.

Мой Петруччо с головой ушёл в благотворительность, когда стал прилично зарабатывать на съёмке, а сейчас, когда имеет собственные выставки, начал даже спонсировать сиротам какие-то творческие кружки. Вот так на моих глазах мальчик превратился в ответственного мужчину.

Я вызвалась с ним в следующую поездку в детский дом, на что услышала отговорки, что моё женское «не» выдержит концентрацию сирот в одном месте. И он абсолютно прав: мы выйдем оттуда с планом, как усыновить несколько малышей. Хотя мне никогда не казалось, что я про большую семью.

Стало грустно. А я вообще про семью?

– Слушай, я думал, с кем пойти мне на этот вечер, – резко остановился, отчего я налетела на него.

– На что ты намекаешь? – слежу за взглядом, и о, мой бог! Черное приталенное платье в пол. Оно идеально. Девочка во мне завизжала от восторга и готова мчаться туда на примерку.

– Оно на тебе будет прекрасно смотреться, детка, – задел моё плечо, встав рядом со мной в задумчивой позе, потирая подбородок.

– Но логичней пойти с моделью. Возьми ту кореянку, Люси, – выпендриваюсь. Мне хочется ещё раз услышать от него,

что именно я нужна для этой роли, потешить своё самолюбие.

– Мир, ты моя подруга детства, хочу тебя вывести в свет. Пошли! – подыгрывает мне с большим удовольствием, уложив свою голову на мою.

Так мы простояли минут пятнадцать. Затем зашли просто померять, и оно идеально село, обтягивая мой аппетитный зад и придавая стройности ногам. Я самой себе кажусь высокой и сексуальной – оно на одно плечо, длинный черный рукав с перчаткой, а правая рука абсолютно голая, что добавляет эротики. После восхищений и убеждений я продалась на один вечер за это сногшибательное платье.

Затем Петров помчался на очередную съёмку, забрав с собой все наряды, а я отправилась на парковку ожидать Ди с Русланом.

Стою, закутавшись в свой пуховик, разглядываю светящихся женщин, которые выбирают себе наряды или ругаются с уставшими мужьями. Или тех, кто опустошает кошельки любовников в ювелирных. Но больше всего я люблю тех, кто самоуверенно и поодиночке быстро делает свои дела. Такие точно знают, чего хотят, они время не теряют. К кому из них я бы себя отнесла? Наверное, к последним. Осталось до конца разобраться с тем, чего именно я хочу.

Самое невыносимое – это мамы с маленькими, кричащими детьми на руках. Не представляю уровень их стрессоустойчивости. Вот это точно не обо мне. Фыркаю, закатывая

глаза.

Вокруг парочки целуются. Морщусь: в жизни не целовалась прилюдно. Вспоминаю. А нет, был грешок с первым парнем. Совсем вспоминать не хочется. Стараюсь прогнать мысли.

– Эй, Мир, ты в облаках летаешь, никак влюбилась? Ммм? – позвала подруга, сдвигая черные густые брови вверх. Машет рукой, приглашая меня в черный внедорожник.

Боже, да я в жизни на таком количестве крутых тачек не ездила, сколько за эти пару недель. Кажется, начинаю привыкать, хотя бы уже не краснею, как скромная генеральская дочь.

– Ох, детка, что-то давно никто не цепляет, – сморщила нос и развела руками от досады. – Только если фанат, хотя с моим везением он точно лысый старик, – устроилась удобнее на кожаном сиденье рядом.

– Добрый день, Мирослава, – мужчина в костюме улыбается во всю, пытается спрятать смех в кулак. Наверное, тот дурацкий вечер вспомнил. Чёрт, позорище.

– Добрый, Руслан, – стараюсь не пялиться и не отпустить пару злостных шуток на счёт его стеба.

– Я уверена, что он симпатяга, – малышка в сером клетчатом костюме и черной водолазке под горло обняла меня, окутав прекрасным ароматом GUCCI.

Снова послышался смех со стороны водителя.

– Извините, дамы, – Руслан показал руки. – Кашель заму-

чал, – начал наиграно откашливаться, задев ладонью по груди.

– Конечно, так смеяться-то над чужими проблемами, ещё и не так замучает, – брякнула, не удержав язык за зубами, а только сейчас стало стыдно. Не решаюсь поднять глаза на подругу, пока молчание не прерывает её залиvistый смех.

– Мирка, ты мой кумир, – бьёт кулаком водителя. – Так тебе!

– Как твои дела, как ужин? – с любопытством рассматриваю серые улицы и спешащих по своим делам закутанных в пуховики прохожих. Или просто избегаю разговоров о чьей-то свадьбе.

– Отлично! Лия – красотка, к тому же очень умная и взрослая. В общем, Амирану как всегда повезло! – восхищается. – У него всегда так: всё самое лучшее любой ценой.

Эти слова осели в моей голове слишком тяжело, вызывая бурю эмоций и чувств. И одно из них – зависть. Что странно, я даже его не знаю, ни разу не видела, но всё равно жутко ревную. В груди всё горит огнём. А может, просто хочу себе такого: секс с таким, отношения. Запретный плод ведь всегда сладок. Таким мужчинам никогда не было дела до девочек, как я. Досадно. Там успехом и властью пахнет за километры. Боже, секс с ним должен быть фантастическим. Проглатываю накопившуюся слюну. Чёрт, да я возбуждена.

– Смотри, мы уже платье невесты подбираем. А вот мой наряд от Armani, – восхищённо рассказывает.

Показывает на экране несколько вариантов шикарных платьев, о которых я раньше могла только мечтать. А с процентом от снимков одно можно даже позволить. Чёртовски сложно признавать зависть и не спутать её со злостью. Чёрт, вот это, конечно, коктейль из чувств! Такой просто шампанским не запьёшь.

– Ди, я буду ревновать, – ворчу.

Определённо, я ревную её к этой невесте, которая присылает ей разные варианты праздника, блюд, тортов, платьев. В общем, занимает её внимание. Или всё же дело далеко не в Ди? Дурость какая-то! Поражаюсь сама своей реакции.

– Мир, я тебя люблю. Что ты такое говоришь? Мы с тобой столько времени были в разлуке. Это просто свадьба, ничего личного, – рассмеялась, показывая ямочки на щеках.

По пути домой мы попросили Руслана купить нам бокалы под шампанское, и полбутылки выпили уже в авто. Показалось, что мужчине нравится вся эта ситуация: весёлая беззаботная Ди, которая то и дело строит ему глазки.

Валентина Борисовна полвечера была напряжена, но потом посмотрела, как мы мило хихикали, переговариваясь о горячих взглядах Руслана. Ди расслабилась.

Подруга часто упоминала семью – только женский состав и приближающуюся церемонию. Часто говорила про брата, восхищалась им. А я расслабилась и позволила себе слушать о прекрасном "боге". Появилось другое чувство к его персоне – любопытство. Мне интересно, каким же он стал, чем за-

нимается, как выглядит. По её словам, он чертовски обворожителен, мужественен и решителен, давно живёт в Италии. У него свой многомиллиардный бизнес. Он всегда занят.

– Да, они несколько лет встречаются, если не ошибаюсь. Он часто к ней на свидание летал в Лондон и жил там. Сюда они приехали только из-за свадьбы, – в её глазах мелькают мечты.

– Эх, вот это любовь, – вздыхаю. В голове то и дело крутятся упаднические мысли: “у тебя такого не будет – выдыхай, бери вон Ванька и дуй в кино!”

Непроизвольно скривилась от этих мыслей. Вот это беее.

– Много вы в любви понимаете, Мирослава Витальевна? – подшутила Валентина Борисовна. Не в бровь, а в глаз. Мастер приколов. В груди появилась даже какая-то детская обида за посягательство на мои представления о любви.

– Мам, вот вы с папой любите друг друга, хоть при мне и не целуетесь, но молекулы-то эти в воздухе летают, – мечтательно закусила губу, перекинув косу через правое плечо.

Мне бы хотелось вот так, как у родителей. Мама встретила папу в 20 лет и до сих пор вместе, без скандалов, разводов и упрёков. А мне уже 25, и явно такой подарок я либо проглядела по незнанию, либо этот сценарий мне уже точно не подходит.

– Да, любим, – горько усмехнулась. Видимо, молодость с папкой вспомнила, он-то у нас тоже не из лёгких кавалеров – сам себе на уме.

– Валентина Борисовна, а расскажите, как вы познакомились? – оживилась Диана, допивая шампанское в своём бокале.

– Ну что за Валентина Борисовна? – возмутилась мама. – Я им тут шампанское разливаю. Просто тётя Валя.

Диана зардела, округлые щеки сразу налились румянцем. – Извините, тётя Валя.

– Так-то лучше, – мама довольно улыбнулась, поправила подушку за спиной и тихо начала свой рассказ, который, кстати говоря, я не слышала никогда.

– Знаете, как это обычно бывает? Он высокопоставленный служащий. А твой отец в свои тридцать был уже таким. А я простая девчонка, которая жизни сладкой не знала, сбежала из дома от отца-алкоголика и матери, которая поддерживать его не может, направить, а вечно пилит и пилит, и меня вместе с ним. Приехала сюда, город большой не щадит никого. Хочешь выжить – устройся на работу, – тяжело вздыхает. Видимо, ей не просто даются такие рассказы.

– А у меня ни образования на тот момент, ни денег. Так я и попала уборщицей в какой-то ресторан элитный, а тогда что? 90-е, у мужиков тогда совсем руки развязаны были, да и вели они себя смелее, чем сейчас. А потом застолье папиное в честь дня рождения: его друг начал ко мне клеиться, угрожая мне пистолетом, пытаюсь изнасиловать, – серые глаза потемнели на последней фразе, её лицо стало серьёзным. Мама торопливо смахнула слезу с щеки и улыбнулась в сво-

ей манере идеальной женщины и матери.

– Вот так и познакомились, криминальная романтика, так сказать, мои девочки. Твой отец – мой спаситель. И по сей день мы вместе, – потерла ладони.

– Романтично очень, – всплакнула Ди. То ли шампанское так подействовало на неё, то ли парень, который привёз её сюда.

Мне почему-то неловко, сейчас у нас возраст такой, нам бы драму подавай, плакать, убиваться из-за парней, а у всех любовь, а я словно на обочине. Ни драмы, ни впечатляющих историй, смешно, и поделиться нечем.

– Подруга, ты чего это расклеилась? – я обняла маленькую сентиментальную Ди.

– Ничего, надо Руслану позвонить, домой, наверное, пора, – достала из сумочки телефон.

– Понятно, из-за Руслана, конечно! Когда вы уже поговорите о чувствах? – прижала к себе любимого мужчину, серого медведя. – Ставлю сто баксов, что не в этом месяце.

– Мира, он не интересуется мной, потому что как ещё объяснить то, что он возит меня пять лет и молчит? – карие глаза заискрились от счастья.

– Молчит?! – возмутилась. – Да он так смотрит на тебя, что никаких слов не надо! Мне бы такого молчуна! – возмущаюсь, размахивая руками.

Её влюблённый взгляд меня покорила и заставил хохотать, прижимаясь к маме.

– Мирослав, а ты всё в своей манере. Как нарвёшься на такого, как наш папа, вот запляшешь, – подтрунивала мама, глядя меня по голове. – Вот мы, Диан, с тобой тогда посмеёмся, – а вот это уже прилетел упрёк.

– Мам, – осекла я. – Ну что ты начинаешь? Наш папка хороший, – твёрдо заявила, но скорее это мне в голову шампанское ударило. О таком мужчине, как отец, можно только мечтать: красивый, умный, вольный, вызывает у меня восхищение с самого детства. Но в реальности Виталий Сергеевич – тот ещё тиран, если не знать все кодовые приёмы и рычаги давления.

– Тётя Валя, современные мужчины нерешительные, – пожимает плечами Ди. А вот и пошли серьёзные размышления захмелевшей подруги.

– Они решительные, им просто время нужно и пара хороших пинков, – мама по-матерински прижала Диану к груди с другой стороны, глядя её по голове и перебирая короткие каштановые волосы. – Всё будет, мои девочки, вы ещё такие молодые.

– Так, чего раскисать? Прекращаем! – вскакиваю на ноги, словно открылось второе дыхание. – Яр зовёт нас в клуб, предлагаю потусить пару часов, потом вернуться сюда и вызвать твоего водителя, чтобы никто ничего не узнал! – хлопаю в ладоши, словно совершила сделку года.

– Ну, не знаю, – сомневается подруга, но ей также, как и мне, интересна жизнь ночного города, видно по блестящим

глазам.

– Мирослава, это что такое, кто тебя врать учил? А отца ты не боишься? – возмутилась мама.

– Мам, ну мамочка, ты же папе не расскажешь? Мы на чуть-чуть. Там Яр, и мы пить не будем, – посмотрела на неё тем самым взглядом голубых глазок под названием "Ну как ей можно отказать?"

– Ох, Мирослава, знаю я ваше "не будем". Телефон держи включённым, – вздохнула, с тревогой в глазах. – Чувствует моё материнское сердце, – причитает, положив руку на сердце.

– Так, подруга, мы тебя переоденем, не Гуччи, конечно, и Armani, уж извини, но мои вещи тоже ничего, – пыталась шутить, чтобы не задеть Ди.

Она всегда одета красиво и дорого. Соответствовала своему статусу, учась в одном из престижных вузов страны. А я чаще покупаю вещи за свои деньги в масс-маркете, больше всего я обожаю ZARA. И когда мне удаётся что-то заработать позированием или написанием статей, я иду и всё трачу там.

Через час мы при полном параде вошли в один из элитных клубов Москвы. Пока наш "пропуск" во всю работал в зале, усадив нас за бар, меня слегка потряхивает от волнения и всеобщей атмосферы роскоши и власти. Здесь всё пропитано этим вкупе с сексом, полуголыми девицами, невероятной красоты. Подобраны как одна – куколочки. В секунду ста-

ло неловко: ведь на мне обычные кожаные узкие штаны и прозрачная чёрная водолазка с баской внизу, а сверху португепя, чёрный лиф-пушап под низом, обута в кожаные полусапожки с острым носом на шпильке. Когда я выбрала их, мне казалось, что мои ноги мега длинные. Но я здесь просто малышка среди всех. Единственное яркое пятно – красная помада. Да уж, может, проблема с самооценкой не даёт мне построить нормальные отношения? Вот уж вопрос века.

Ди выбрала наряд поскромнее: обычное свободное чёрное платье с пышными рукавами-фонариками, в нём она была больше милой, чем сексуальной.

Мужчины наперёд пытались угостить нас коктейлем или увести к своему столику. Через пару коктейлей и десяток комплиментов моё самобичевание закончилось, а эго выросло. Диана вела себя загадочно, всё время смотрела наверх.

– Подруга, это нечто, как хорошо, что мы выбрались, – от восторга целую её в обе щеки, позабыв о помаде, и качаю бедрами в такт музыки.

Не скрою, очень приятно замечать взгляды мужчин в костюмах, но меня больше привлёк татуированный парень за стойкой, выглядит дерзким, с бородой. Его упёртый взгляд цепляет. Да он просто пялится и не стесняется, явное выражение желания.

– Да, знаешь, это клуб брата. Рус, скорее всего, здесь и смотрит, – Ди подняла глаза на второй этаж и отпила из своего бокала. Подруга выглядела захмелевшей, это и не мудре-

но – по её рассказам она практически не пила никогда.

– Ого, не думаю, он бы уже хлестая нас ремнём, вел к машине, – полностью расслабляюсь. Тащу её с собой на танцпол. Вся я сейчас сосредоточена на том лысом красавце.

– Знаешь, мне понравился вон тот красавчик, – намеренно киваю в сторону мужчины, чтобы он видел мою заинтересованность.

– Какой? – крутит головой по сторонам.

Конечно, красавчик понял, что разговор идёт о нём, поэтому нагло смотрит на меня, потягивая свой кофе из маленькой белой кружки.

– Мира, он же смотрит сюда, – подруга резко отвернулась и покраснела. А мы открыто продолжали играть в гляделки. Я люблю эти игры. Мужчина, похоже, нам будет весело. Завожусь, меня возбуждает он и вся эта ситуация.

Закусила губу, оценивая перспективы: как мужчина он очень горяч. Сбитое телосложение, рукава кипельно белой рубашки закатаны до локтя, поэтому видно его вторые чёрные рукава-татуировки, тёмная борода, волос нет – лысый. Ох, ну подойди же уже, давай! Неужели гей? Не может быть, он так смотрит.

– Меня тошнит, – прокричала Ди.

– Сильно? – напрягаюсь, переводя внимание на неё, забыв про всё. Ещё этого не хватало. Меня начинает потряхивать от волнения, и всё возбуждение уходит.

Мы быстро нашли туалет. Там Ди выворачивало, а я дер-

жала её маленький хвостик. Всё моё возбуждение как рукой сняло. Сейчас я думаю лишь о том, как безопасно транспортировать подружку домой.

– Мир, домой, – еле выговаривает слова, умываясь в чёрной раковине.

– Да, конечно, я с тобой, – с досадой помогаю ей вытереть лицо бумажными полотенцами и параллельно отправляю Яру, что мы уходим.

Через десять минут мы стоим на улице, ожидая такси. Мороз оказал своё благоприятное действие и добавил чуть трезвости.

К нам подъехал серый BMW серии M. Я приготовилась к оправданиям или нападению, не важно, кто там: Руслан или очередной самоуверенный парень, сейчас не до этого.

– Подвезти? – в открытом окне показалась лысая голова с густой бородой.

Ох, чёрт, вдохнула со свистом. А вот и сам улов. В груди стало тепло, от волнения по телу стремительно пронеслись тысячи иголок. Ура! Ура! Ура!

– Нет, спасибо, – закусила губу, чтобы не было видно моей самодовольной улыбки. Смотрю на экран телефона: такси даже не назначено, и это меня больше обрадовало, чем расстроило, но показывать я точно этого не хочу.

– Такси, наверное, ждёте? – парень вышел к нам в одной рубашке.

"А ты горяч!" – восхищаюсь: он точно решил меня поко-

ритель, и у него отлично это выходит.

– Не важно, молодой человек, – ворчу, не сдаваясь. Обняла подругу, которая тяжело вздыхает, её лицо бледнее смерти.

Молюсь про себя: Господи, хоть бы не начать улыбаться как дикарка, словно ко мне уж сто лет не подходили знакомиться достойные самцы.

– Перебрала? – кивнул в сторону Ди. – А ты сейчас предложишь ей трястись в такси в таком состоянии, ну и подруга, – ухмыляется, показывая белоснежные зубы.

– Может быть, вы маньяк? Откуда я знаю. Так я подставляю её ещё больше, – из последних сил стараюсь быть серьёзной, но, видимо, от выпитого не могу сдержать дурацкую улыбку.

– Давид, – протянул руку, которая покрыта мурашками от холода. И это чертовски сексуально. Его пальцы слишком мужественны, и они далеко не тонкие, но ровные, ногти ухожены. Хорошо просматриваются мышцы и вены. Картинки в голове рисуются очень быстро, и они даже не пахнут невинностью.

Осторожно жму его руку, глядя в тёмные глаза на уровне моих. Чёрт, это определённо искра.

Так, я просто пьяна, просто у меня давно не было секса, и это всплеск гормонов в овуляцию. Ищу причины своего ненормального возбуждения.

– Мирослава. Теперь можете ехать? – наиграно улыбаюсь.

Хотела показаться милой, но со стороны больше похожа на флиртующую.

– Нет, я с вами такси подожду. Мало ли, потом не прощу себе, что оставил вас здесь одних, – потер ладони, пытаюсь согреться.

– Вы джентльмен, – улыбаюсь, оборачиваясь на шум сзади.

Из-за здания вырुливала пьяная ругающаяся матом компания парней. Вот это уже страшно, паника начинает овладевать мной. Я судорожно замерзшими пальцами пытаюсь разблокировать телефон, чтобы увидеть "ожидайте, происходит поиск машины".

– Поехали! – резко открывает перед нами дверь авто. Его настроение меняется в секунду, он становится воинственным, готовым защищать или нападать – это заметно по его напряжённым широким плечам и жилке на лбу. Арес не иначе.

Заталкиваю Ди на заднее сиденье и быстро усаживаюсь рядом, прижимая малышку к себе.

– Куда ехать? – смотрит в зеркало заднего вида, прямо в глаза, а не на грудь, от чего мне приятно.

Показываю адрес на экране мобильного.

– Мирааа, мы в такси? Амиран меня убьёт, – подруга жалко стонет.

Чувствую себя виноватой, ещё больше не хочется сталкиваться с её братом. Ох, нужно мысленно готовиться к взбуч-

ке, придумывая аргументы, которых нет.

– Да, в такси, – глажу её по голове.

Едем молча. Украдкой зыркаю на красавчика. На вид ему около тридцати лет, он сто процентов качается в зале. Как иначе объяснить широкие плечи и узкий зад? Ванька со своей перекаченностью, конечно, даже рядом не стоит. Мужская фигура за рулём очень возбуждает: сильные руки в плотных чёрных тату в полинезийском стиле. А может, всё вкупе даёт такой влажный результат в трусиках? Смеюсь про себя. Что за мысли, ещё даже не март? Готова прям тут его раздеть. Удивляюсь своей реакции. Видимо, это алкоголь так сумасшедше влияет на меня.

Мы подъехали к одному из стеклянных небоскрёбов. Вау, конечно, кто бы мог подумать, что будет что-то другое? Что-то поскромнее.

Давид спокойно проехал на парковку, спросив, какой у нас этаж. Это меня удивило, потому что я уже приготовилась искать парадный вход с бездыханным телом на плече.

В голове возник вопрос: он что, тоже здесь живёт? Хотя чему я удивляюсь? Его тачка явно меньше десяти миллионов не стоит. Не буду надрывать мозг, в этих моделях я уж явно мало что понимаю. Лучше загуглю потом ради интереса, чтобы душой не казаться, если о машинах речь зайдёт при следующей встрече. Стоп, Мира, какая, чёрт возьми, встреча уже вертится в твоей голове? Стараюсь прогнать пьяную мысль.

– Мир, оставите номер? – уверенно, с озорной улыбкой, заглядывает нагло в глаза через зеркало.

– А если нет? – с вызовом, а сама испугалась от своей обратной реакции.

Ожидая, что он будет настаивать, и, конечно же, растаю. Но этот мужчина, видимо, не так прост, о чём говорит его самодовольная улыбка и полное спокойствие.

– Тогда рад был помочь, – он дернул одной бровью и засмеялся, прекрасно понимая мои неудавшиеся игры.

Вот же чёрт! Провал!

– Давай, помогу её донести? – по-джентльменски, с кроткой улыбкой и серьёзными глазами.

Сейчас я уже согласна на то, что у него самые добрые в мире глаза. Вот попала, это всё очень пахнет влюблённостью, особенно мурашки.

– Не думаю, что это хорошая идея, – с досадой отвечаю, вспоминая про её брата.

Ди зашевелилась в моих руках, напомним о том, что пора двигаться в пантеон.

Хорошая идея с его стороны попросить мой номер ещё раз, но он этого не делает. Дурочка, а чего ты ожидала? Всё, теперь жалеть буду века.

– Мы приехали? – спрашивает она, смотря на меня своими измученными глазами, вся помятая.

– Да, детка, пойдём. Я сама не найду вход в это царство, – обречённо вздыхаю, поправляя её волосы. Открываю дверь

и сначала вытаскиваю свою задницу, а затем Ди.

– Спасибо, Давид, вы наш герой сегодня, – улыбаюсь ему своей самой доброй улыбкой. А ещё вы, похоже, моё тайное желание.

– До встречи, Мирослава, – самодовольно улыбается.

Конечно, он считал моё сожаление по самому тяжёлому вздоху, на который я только была способна.

– Мира, ты оставила ему на чай? – крикнула из последних сил неравнодушная к таксистам подруга.

Ди закопошилась в сумочке, а Давид, смеясь, уехал с парковки.

Мы остались один на один: я здорово выпившая и вернувшаяся с небес на землю, и полуживая Ди, за которую мне, скорее всего, сейчас голову оторвут. Отсекнут косо́й смерти.

Мы слишком быстро поднялись в большом сверкающем лифте на один из последних этажей. Желудок скрутило в узел от волнения и начало подташнивать – то ли от высоты, то ли от страха встретить цербера в квартире.

– Амир сейчас меня убьёт, – Ди начала искать телефон, а я нервно покусывала губы. Ой, как мне не хочется оправдываться, мало ли что за мужик. Что у него на уме? А уж если генерала в это всё впутают, мне точно конец. Папа такого не простит. Искуплять свои грехи я буду долго. В голове вырисовываются пару отмазок.

– Мы дома, целые и невредимые. Всё будет хорошо, – пытаюсь успокоить себя, потому что Ди в её состоянии явно

мало что утром вспомнит.

За большой чёрной дверью мы оказались в небольшом тёмном холле с парой дверей и проходом, который ведёт к большим панорамным окнам.

Вау, да это целый Олимп. Время будто остановилось, и у меня появилось желание рассмотреть Москву за окном более детально, возможно, даже изучить с картой. Восторг, интерес, и я забыла о дискомфорте и возможной взбучке.

– Похоже, никого нет, – облегчённо выдохнула Ди, раздеваясь.

Я уже и забыла про всех, кто тут должен быть, настолько обомлела от вида, что даже не заметила, как скинула вещи на серую скамью.

Ди начало тошнить, и она помчалась в ванну, а я за ней. Сажу рядом, пока подруга обнимает унитаз. Комната очень просторная, белая, с овальной ванной без ножек – смотрится это мило, на раковине много бутылочек, видимо, это отдельная комната для Ди или подруги её брата. Роскошь меня всегда привлекала, а здесь всё продумано до мелочей, вплоть до белых скрученных полотенец, сразу видно работу дизайнера.

Помогаю подруге умыться, снять обувь и переодеться в розовую пижаму со штанами в её комнате. Здесь всё девчачье и милое, как сама Ди, с розовым пледом на высокой кровати, зеркальным шкафом, белоснежной тюлью и прекрасным видом на город.

– Мир, останься со мной, – стонет и тянет за руку к себе.

Чувство ответственности не позволяет мне покинуть её, поэтому лежу рядом до тех пор, пока мой живот не начинает предательски урчать, зазывая еду. Поесть я страстно люблю, как и отработать потом съеденное в зале.

Лежу, прислушиваюсь к звукам: насколько безопасно сейчас высунуть нос за пределы этой комнаты? Вроде спокойно. Ди засопела, и это знак сползти с мягкой перины в поисках мамонта.

В квартире по-прежнему тихо и темно, вид на ночные огни города заставляет меня застыть на месте. Боже, как же это красиво! Мне когда-то хотелось посмотреть с такой высоты на город – ещё одна мечта в копилочку. Долго шарю по рельефной стене в поисках выключателя, как слепой конёк. Света немного – над чёрным диваном со стеклянным столиком и справа над небольшой кухней. Прекрасный лофт. Я влюблена! Девочка во мне начала хныкать, понимая, что придётся уходить. Здесь всё такое роскошно, в умиротворяющих тонах, нет ни единого растения. Ну точно Олимп – спокойный, величественный и с гигантским пространством для роскошных пиров.

Живот снова оповестил об отсутствии еды, заставив меня мигом найти холодильник среди всех шкафов. Никто же не против, если я сделаю небольшой бутерброд с ветчиной? Сюда бы, конечно, ещё глазунью сверху, но это уже слишком нагло. Тихо хихикаю, как самый настоящий воришка, пред-

ставляя картину, если меня кто-нибудь застанет за готовкой. А если её брат придёт с невестой, вот это номер будет! Как говорит бабушка Яра: “Кино и немцы”.

– Я тебя убью, блять, если мы их не найдём, – грубый, рычащий голос послышался из коридора.

Я замерла, еда стала на вкус, как трава, сердце начало гроботать так, что в ушах стало слишком шумно. Там не иначе зверь.

Сердце тут же спряталось в пятках, и всё замерло. Чёрт, попала! Ну вот и конец. С трудом проглатываю то, что тщательно пережёвывала. Решаю не ждать здесь расправы, а, как учил папа, посмотреть страху в лицо – да хоть там сам дьявол!

На ватных ногах иду в холл и превращаюсь в тяжёлый камень, словно под взглядом медузы Горгоны.

О Боже! Настоящий, злой, сам Аид. Растрепанные чёрные волосы с проседью наполовину закрывают лоб, глубоко посаженные глаза, прямой нос с ноздрями, которые раздуты от ярости, прямые губы. Он же целая гора, большая гора, кажется, в два раза больше меня. Просто плююсь, как дура с открытым ртом, на этого божественного мужчину. Кажется, я уменьшилась до размеров мыши: всем телом чувствую его силу, он заполняет каждый сантиметр этого помещения, и мне становится тесно, жарко, сухо во рту.

– Фух, вы здесь, – голос Руслана где-то далеко.

– Да, – попыталась смочить губы языком, ловлю горячий

взгляд горы.

– Госпожа Вольная? – его рычащий голос уничтожает. – Может, перестанешь пялиться так, будто ты мужика не видела никогда, и объяснишь, какого хера вы творите? Где вы были и с кем?

“Госпожа Вольная” – звучит как нечто, что заставляет меня повзрослеть за секунду и взять на себя ответственность за наше сегодняшнее похождение. Меня словно ледяной водой окатили. Стоп, будет он на меня ещё орать. Быстро моргнула, заметив в своей руке недоеденный бутерброд. Мира, ты позорище! Лицо пылает от стыда.

– Не стоит кричать, как вас там? – возмущаюсь, машинально жестикулируя куском хлеба. – Видела и много, – говорю уже спокойнее. У меня тоже есть яйца, мальчик, только они дрожат почему-то и закатились куда-то. Что я несу? Какие мужики? Почему их много? Зачем это ему? Зачем это мне?

– Я не удивлён, что ты так легко прыгаешь по машинам, – выплюнул он самым чарующим голосом.

– Что ты сказал?! – рывкаю, как собака. Ярость и бессилие – слишком крепкий коктейль. Освобождаю правую руку и лечу к нему с расправой, как израненный зверь в своём последнем нападении. С пощечиной, которую не ожидаю даже я, а он и подавно. Слишком ослеплён своим явным превосходством. Рука загорелась с непривычки, сжимаю её.

– Ты! – его глаза расширились, нижняя челюсть вышла

вперёд, придавая подбородку мощностъ. Большущей лапой схватил меня за запястье, в ушах треск; надеюсь, не костей. Во рту появился горький привкус страха.

– Руслан? – посмотрела за спину нападающего, ища единственное спасение.

– Страшно стало? – шипит змей, сжимая ладонями моё лицо до боли, заставляя поднять лицо и смотреть на него.

– Нет, – хриплю. Считаю про себя до трёх, стараясь успокоиться, а у самой из ноздрей пар. Смотрю в ореховые глаза и улетаю.

– Не страшно, – шепчу, пытаюсь собраться.

Вот так, Вольная никого не боится – это, конечно, во мне говорит алкоголь, а не здравый разум. Мужчина идёт на меня, толкая своим большим телом, пока я не упруюсь ногами в спинку дивана, но он не перестаёт напирать.

– Смелая? – сжимает моё плечо, выглядит это так, словно он огромной ладонью захватил пол моего тела.

– Да, отпусти, – пытаюсь вырваться, чтобы просто подышать, но противник в несколько раз сильнее.

Наши тела настолько близки: чувствую его эрекцию и замечаю, что я бесстыдно ерзаю на этом месте своим животом. Ох, этот мужчина очень горяч, он мог бы взять всё, что пожелает, и у меня не хватит сил сказать ему “нет”. Он наклонился ко мне так, что губами я чувствую его горячее дыхание. Голову кружит его запах и какие-то духи – кажется, это древесина, весенний лес после дождя. Пахнет столь же ча-

рующе. Красивые длинные пальцы, что пропахли сигаретами, гладят мои губы, не переставая держать в плену, и в мою голову прорываются очень откровенные желания. Господи, откуда эти картинки в голове, от которых внизу всё горит?

– Амиран, – прошипел он. – Я Амиран, – его глаза продолжают стрелять молниями.

– Очень приятно, а теперь отпустите меня, Амиран, – шепчу дрожащим голосом, выдыхаю его имя вместе со всем воздухом из лёгких, опуская взгляд на губы, от которых исходит жар, ощущая разряды тока.

– Убил бы, – прорычал он.

И желанные губы обрушились на мои. Горячий язык нашёл мой, и это самый страстный, сминающий поцелуй, равный погибели, который у меня только был за всю мою жизнь. Рука переместилась в мои волосы, сильно сжала их на затылке. Он будто пытается мою голову впечатать в свою, кусая и облизывая поочерёдно губы, перемещаясь на шею и обратно. Задыхаюсь, пытаюсь вынырнуть из этой горячей лавы, шарю пальцами по его мощным рукам и плечам, переходя на шею и твёрдую грудь, пытаюсь коснуться оголённой части тела. Хочу его до дрожи в коленях, словно мной овладел демон страсти. Все убеждения ушли куда-то, я хочу его здесь и сейчас.

– Ого, нельзя вас и на минуту оставить, – присвистнул Руслан.

В то время как мужчина резко разорвал поцелуй, отодви-

гая моё лицо, жадно осматривая меня. В карамельных глазах мелькает сомнение, желание, которому он сдаётся, и проводит носом по щеке, вдыхая мой запах. Всё ещё тяжело дыша, мы смотрим друг другу в глаза, соприкасаясь лбами.

– Отпустите меня, – подаю голос, вспоминая о Руслане и приёмах самообороны. Бью пяткой по ноге, но, похоже, туфли хорошо его защитили. Дьявол не шелохнулся.

– Мирослава, прекрати драться, – разжал кулак в моих волосах и отшатнулся назад.

– Что вы о себе возомнили?! – пишу, как щенок. Волна бессилия накрыла, адреналин прошёл, и подъехала истерика. Неосознанно, словно в тумане, налетаю, колочу в грудь, по рукам.

– Что, блять, всемогущий?! Отпусти! – не могу остановиться, позорюсь до конца.

– Успокойся! – хватает меня за плечи и трясёт до боли в голове.

Не поняла, как оказалась зажатой в руках Руслана, потому что вижу только красную цель. Постепенно приходят ярость и стыд от поцелуя, или от того, что он закончился так быстро. Его эго давит на меня, и моё желание было чем-то омерзительным в этой ситуации – это если смотреть с точки зрения нормальности. Но от этого жажда не уходит, что поражает меня. У меня это впервые.

– Славка, успокойся, – спокойно просит Руслан, стоя между нами. – Амир, у неё истерика, отойди!

– Это у вас, блять, истерика, – толкаю его руку, пытаюсь поправить волосы, представляя, какое гнездо на голове. – Только подойди ко мне, – тычу указательным пальцем на Аида.

– Что ты сделаешь? Заплачешь? – выплюнул он, кидая пиджак на диван. – Я не бью девушек, не переживай.

А в голове крутится только одно: "Трахну тебя, если ещё раз подойдёшь". Стараюсь ровно дышать, от этих мыслей самой становится горячо и тошно. Что за ночь с горячими самцами? Или это я и мои гормоны совсем уже ополоумели?

– Хочешь проверить? – бросаю вызов. Мозг включился, намеренно дразню зверя, понимая, что силы не на моей стороне, но остановиться не могу, хочу увидеть его самую тёмную, настоящую сущность.

– Так, оба, успокоились! – Руслан повысил тон. – Давайте сядем и поговорим, – мягко добавил тут же. – Слав, – указал на пуф.

– Ещё раз Славкнешь, и без головы будешь ходить, понятно? – меня несёт, готова порвать любого на своём пути, особенно за это дурацкое прозвище, которым меня дразнили в детском саду и ласково называл преподаватель истории.

– Ахахахах, – рассмеялся мужчина. – Да уж, Амиран Бесарионович, а вы стоите друг друга. Вот это номер! Мистер и миссис Смит прям, – самодовольно скалится.

Но в этом помещении его радость никто не разделяет. Амиран сверкнул на него взглядом и сел напротив, на угол

дивана.

– Мира, расскажи, что за BMW? – спокойно с улыбкой на лице сидит, словно рефери между нами.

– Мой парень, – нагло вру, хочу увидеть реакцию, смотрю с вызовом на мужчину напротив. – Диана спит в своей комнате, все живы и здоровы, а теперь я могу идти?

– Складно врёшь. Как парня зовут? – Амир опёрся локтями о колени. Не верит – это обижает.

– Давид, и знаете что? – повторяю его позу. – Я не обязана перед вами отчитываться, Амиран Бесарионович, идите-ка вы в...

– Мирослава, – перебил Руслан, – давай я тебя домой отвезу, а? – держит руки наготове, чтобы разнимать.

– Она не уедет отсюда, пока не расскажет правду, – жёстко произнёс Амиран, и у меня аж на секунду в животе скрутило.

Резко встаю, ловя звёзды в глазах. Делаю вид, будто не замечаю гнева Аида и его самого.

– Знаете, Руслан, это блестящая идея, – вышагиваю в прихожую, стараясь идти ровно. Оставляю позади недовольное рычание и вздохи.

– Друг, вы сейчас оба не в состоянии нормально говорить, потом. Тем более Динка мирно спит в кровати, проснётся сама, всё расскажет, – спокойно говорит Руслан, идя за мной.

Быстро обуваюсь, надеваю шубу. Вот так, на каблуках, чувствую себя на порядок выше и увереннее, несмотря на то, что меня потряхивает, и выгляжу я точно затасканно, даже

в зеркало взглянуть страшно.

– Давай договоримся, – Амиран направился ко мне со всей грацией. – Ты таскаешься где хочешь и с кем хочешь, но мою сестру в это не втягиваешь, маленькая гого, – говорит спокойно с прищуренными глазами, тычет в меня пальцем, будто указывая на место дешёвки под его ногами.

Глава 3

Мирослава

Не знаю, почему меня задело его мнение, отчего стало обидно до слёз, и если бы были силы – оправдания полились бы рекой. Но я настолько морально истощена, что не нахожу ничего красноречивее, чем снять сапог и задуматься о том, чтобы запустить его в него.

– Ты, ты сам таскайся! А я не потаскуха! – слёзы предательски заполнили глаза, не давая мне видеть, только ощущать какую-то потасовку.

– Сука, – вытираю слезу, тошнит от переизбытка чувств.

– А ты буйная, – тяжело дышит Рус, подпирая дверь, в которую тарабанит Амиран.

– Да пошёл он, давай ботинок, – протягиваю руку. Обуваясь и иду к лифту, стараясь остановить слёзы, кусая губы до боли. – Не будет меня обзывать, – трясусь от обиды, словно меня облили ведром помоев.

– Гого – значит, девочка, – смеётся Руслан, подпирая стенку лифта. – Да уж, Славка, интересные времена нас ждут.

– Русик, а ты как-никак ванговать умеешь, – кривляюсь, уверенная, что ему не нравилось, когда его так называют.

– Угадала, – облегчённо выдохнул.

Мы сели в чёрный Мерседес и поехали к выезду. Нам на встречу показался знакомый BMW, и Руслан тут же удивлённо посмотрел на меня.

– Да, не врала, – пожала плечами, не показывая своей радости от победы.

Рассматриваю в подстаканнике пачку толстых сигарет, уверенности поприбавилось – пусть расскажет своему придурку боссу. Боже, как мне хочется посмотреть на его лицо в этот момент! С ума сошла, точно, слишком много мужчин за один вечер! То густо, то пусто – закон вселенной.

За время, пока мы ехали, я выведала у мужчины, что ему 28 лет, с Амиром они уже пять лет работают, и за все годы это первый его серьёзный прокол.

– Что он теперь сделает? – даже представить страшно. Вопрос задаю больше с целью узнать больше об Аиде, о его характере и мыслях.

Мы остановились возле знакомых кованых ворот, за которыми меня ждёт отец, Зевс.

– Ничего, Мир, не переживай. Если бы хотел, уже бы сделал, – прищурился, смотря на меня, и рассмеялся. – Как же вы похожи.

– А тебе всё смешно, – цокнула я. – Спасибо и спокойной ночи.

– Спокойной, – продолжает хохотать в голос.

Бегу во двор вприпрыжку, окрылённая. Смена сегодня не Ванькина, никто не встречает. Всё ловлю себя на мыслях о мужчине, о своей буйной реакции на него.

В квартире темно и тихо. Господи, спасибо, что мама спит. Иначе я бы уже была на допросе.

Влетаю в душ, скидывая вещи на ходу. Холодная вода не помогает, мысли о его горячих губах и больших сильных руках никуда не уходят: в голове картинка, как он подчиняет меня себе. Невообразимо, как он хорош в постели. Чёрт, я хочу его, хочу до колик в животе, как ни одного другого мужчину. Пальцы сами метнулись к влажному центру, который нагрелся до такой степени, что пульсирует, требуя внимания. Пробежалась по влажным складкам, не забывая трогать себя за торчащие соски. Вспоминаю его эрекцию. О, чёрт! Какая у него эрекция! Ощущаю его в себе, представляя, как он входит сзади. На этом месте подбираюсь к клитору и быстро начинаю выписывать круги указательным пальцем. Мне понадобилось минуты три, чтобы бурно кончить, зажимая рот рукой и корчась на дне ванной в конвульсиях. Заснуть после второго мощного оргазма в постели не составило труда, а вот не думать о нём кажется невозможным.

У моего оргазма появилось красивое мужское лицо. Не сказать, что расстроена, начнём с того, что я дома, и между нами всё было только во сне. Ох, как прекрасно оказаться в своей уютной девичьей комнате, в белых тонах, с боль-

шим плюшевым мишкой от папы, небольшим белым столом с ноутбуком, белым пластиковым стулом на колесиках, с угловым зеркальным шкафом и множеством фото на стене в самых простых белых рамках из ИКЕА. Это не профессиональные, а любительские, скорее даже случайные.

Такие же случайные, как вчерашний день. Закрываю лицо руками, стыдно-то как же стыдно за свои выпады; наверно, я была похожа на дикарку или базарную бабу. Чёрт, чёрт, чёрт! Тихо смеюсь в белое одеяло. Боже, Мирослава, позорище, на часах 4, а ещё маме объяснять, где была.

– Уже проснулась? – после стука в двери показалась тёмная голова.

– Да, – суетливо приглаживаю волосы. Папу я совсем не ожидала увидеть, сажусь в кровати поудобнее, проверяя, нет ли перегара.

– Продолжаешь спать в моей футболке? – сел на кровать напротив меня, сканируя с ног до головы.

Генерал смешно смотрится на розовом пледе, особенно в своей форме, даже мило. Но всё же не надеюсь, что его подкупит мой жест; эту футболку из его шкафа стащила пять лет назад, он долго искал её, а потом как-то зашёл ко мне почитать на ночь детектив и поймал преступника в пропаже.

С опаской заглянула в свои же глаза, пока их обладатель тяжело вздыхает и потирает крепкие руки.

– Ты поздно пришла. Мама сказала, что была в клубе? –

спокойно, рассудительно допрос начался.

– Даааа, – медленно киваю, не люблю, когда он издалека заходит.

Этот мужчина знает все рычаги давления, пусть говорят, что ученик превосходит учителя, но мне до этого мастера, как до Китая пешком ходом.

– Мирослава, ты была в клубе у младшего Тваури, а потом уехала оттуда в машине без номеров. Его брат поднял вчера на уши весь город, – планомерно выдаёт свои намёки, гладко стелит.

Чёрт, чёрт, чёрт! От давления я начала щелкать ноготь об ноготь, замечая, что мой розовый маникюр совсем потрескался.

– Пап, всё хорошо! Нас позвал Яр, потом Ди стало плохо, я решила отвезти её домой. Молодой человек на прекрасном сером BMW; здоровья ему побольше, – лучше бы я от хулиганов отбивалась. – Спас нас, когда мы ждали такси, а на улице завязалась драка между какими-то парнями, довёз нас к Ди. Потом её охранник, Руслан, привёз меня домой.

– Мирослава, ты вообще в своём уме? Это тебе не Юг, – его глаза превратились в щелочки, и это прямой сигнал о том, что он злится. – Петров тоже мне! Разбаловал я вас!

– Пап, он тут ни при чём, я сама виновата, – гордо выступила, пусть лучше только мне перепадёт, потому что Яру будет сто лет припоминать.

– Ты, конечно, а кто ещё? – он громко чихнул. – Вот ви-

дишь, правда.

Конечно, правда. Что ж, ты у нас такой суеверный? Нервно выдыхаю, перевожу взгляд на часы, на погоны, на свой маникюр.

– Мирослава, мне не нравится, что ты так близко дружишь с Дианой. Я понимаю, встречаться, в кино ходить, кофе пить, но разъезжать по клубам и домам – это слишком. Потом мы начнём друг друга обвинять в ваших гулянках, – отвернулся от меня; а значит, это не та причина: генерал-майор придумывает на ходу. Этот ход мы знаем из разговора про секс.

– Поняла, товарищ генерал-майор, не повторяюсь, – поставила руку к голове; на что он расплылся в улыбке.

– Папа, я тебя люблю, – призналась, разглядывая его глубокую ямочку на подбородке и морщинки около глаз.

Мой отец – эталонный служащий: квадратное лицо, плотное, но спортивное телосложение, всегда суровый взгляд, даже когда шутит.

Нас прервала мама, войдя в комнату с синим ведром, в котором стоит огромный букет белых пионов.

– Это тебе, – поставила на маленький стеклянный столик перед креслом и выдохнула с облегчением, поправляя бутоны.

Ну что за подстава, Валентина Борисовна? Именно это выражает мой взгляд.

– Откуда? – даже не смею смотреть на отца.

– Это ты нам расскажи, курьер не отчитался, – она развела руками, поправляя оранжевую блузку.

Папа тут же встал и направился к букету, затем передал мне маленькую открытку. И вот две пары глаз смотрят на меня, не отрываясь, заставляя меня дрожать.

– Читай, – приказной тон, но лучше бы он отдал приказ “упасть и отжаться”.

– Перед тем, как прочесть, прошу занести в протокол, что я об этом не знала, ни с кем не знакомилась, и адреса своего не давала, и ещё я не виновата, – потираю глаза, оттягивая время перед расправой, потому что кто бы там ни был, Зевс начнёт метать молнии.

– Мирослава, – прервал папа. – Я могу прочитать, – сел и потянулся за открыткой.

– Ну нет, вообще-то это личное! – возмущаюсь, падая на подушки.

– Ой, а домашний арест – дело родительское. А тебе с папкой повезло: мы тебе и браслетик на ножку наденем, – манипулятор.

– Вообще-то пользоваться служебным положением нехорошо, генерал-майор, – открываю твёрдую бумагу с опасением, смотря в глаза с грозowymi тучами. – Извини за вчерашнее. Амиран, – выдаю на одном дыхании.

Что? Амиран? Господи! Сердце внутри делает кувырок, закусываю губу, чтобы не выдать щенячьей радости.

Трясёт, не пойму от чего: то ли от предвкушения самого

грандиозного скандала от папы, то ли от злости “что вообще, блять, творит этот мужчина? Что за игры?” А может, от волнения и радости; цветы очень красивые.

– И это ты мне говоришь, что ничего не случилось? – указал на дверь. – Валя, выйди, – приказы не обсуждаются; мама быстро прошмыгнула за дверь, плотно закрыв её за собой. Предатель, с ней только в разведку ходить.

– Ничего и не было, мы просто чуть поругались, когда я выходила из квартиры, – убрала волосы за уши, пытаюсь придать себе уверенный вид.

– Это что? – его брови сошлись на переносице, он резко повернул мою голову вправо. – Засос? Мира?

– Да, пап!?! – испуг сковал меня. – Плойкой, наверное, прижгла, точно плойкой, – разводя руками. – Откуда у меня засосы?! – возмущаюсь наигранно, а у самой голос дрожит.

И правда, блять, откуда? Господи, вот тебе и приключения.

– Смотри мне, – погрозил пальцем. – Мирослава, будь осторожней, особенно сейчас. Твоих ухажёров я буду лично проверять, и им точно не должен быть Тваури, – потер костяшками пальцев.

– Да ничего у нас не было! Правда! – обессиленно опустила руки на кровать. Чем я думала вчера? Засос? Понятно, чем, конечно, но вот гребни последствия теперь.

– Ладно, верю, дочка. А теперь мне нужно ехать, – посмотрел на меня с грустью. Ох, только не генеральское разочаро-

вание. – И, Мирослава, до нового года никаких вылазок!

Помогай маме с организацией праздника, после праздников поговорим. И скажи Петрову, тренировки возобновляются в 20:00 через день, адрес скину. Будем родительский контакт налаживать.

Ну вот и приехали! Я не могу даже возмутиться, вернее, это было бы бессмысленно.

– Поняла, папочка, – показываю белые зубы в наигранной улыбке.

Налаживать родительский контакт означает валяние меня и Яра на матах и обучение самообороне.

До сегодняшнего дня у нас не возникало проблем или недоразумений, потому что он редко вмешивался в моё воспитание, только профилактические беседы. Но давайте будем откровенными: я никогда и не выходила за рамки приличного. Отец не любил выделять своё положение в обществе. Мы с мамой – это как абсолютно другая часть его жизни, скрытая от посторонних глаз. Не скажу, что он всегда такой суровый и холодный; у нас есть пара любимых занятий: например, мы любим смотреть все фильмы, которые были номинированы на Оскар, а потом устраивать дебаты. Мы любим шоколадное мороженое. В детстве мы собирали большие мозаики, и он учил меня кататься на велосипеде, мазал мои первые ушибы. Меня не брали ни на один приём или праздник, не возили на служебных машинах, я не училась в самых престижных вузах, и он был категорически против,

чтобы я пошла по его стопам. Поэтому, когда я заявила, что хочу быть следователем – дома был ураган; он промывал мне мозги. Привёз в отдел, кинул пачку дел на стол с самыми жуткими убийствами и заставил разбирать – вот такая у меня была летняя практика. Последние три года моих практик – это разбор дел по экономическим преступлениям. Как говорит генерал-майор Вольный: это чтобы я знала последствия своей деятельности. А меня от этих цифр порой выворачивало.

Ди: “Амир, конечно, меня отчитал, а тебе досталось от родителей?”

Я: “Ага, тоже из-за твоего братца. Спасибо его прекрасному букету, можешь передать: папа оценил, я до праздников под арестом”.

Конечно, пока я приводила себя в порядок, не упускала шанса лишний раз засунуть нос в букет. Как он угадал с пионами? Мысли об Аиде заставляют меня улыбаться как дурочку, разглядывая засосы, которые напоминают о его горячих губах и самых страстных поцелуях, которые были в моей жизни. Я ведь и не знала, что можно испытывать такое влечение.

Набравшись смелости, я всё-таки вышла к маме на кухню. Она сидит за круглым белым столом на четверых и пьёт свой любимый зелёный чай, что-то просматривая в ноутбуке.

– Ну привет, гулена, – подвинула мне тарелку с печеньями.

– Привет, мамочка, – наливаю чай и сажусь напротив.

– Может, поешь сначала? – подала мне тарелку с ароматной овсянкой и ягодами.

Наша кухня небольшая и выполнена в бирюзовых тонах с короткой шторкой, стеклянной дверью на балкон, где стоят пара небольших кресел, столик, беговая дорожка и у стены высокая полочка для книг.

– Спасибо, – улыбаюсь при виде аппетитной каши. Несмотря на волнение, я всегда могу есть, абсолютно в любой ситуации, тем более вкусный завтрак после пары оргазмов, шикарного букета и разбора генеральских полётов.

– Мира, как так получилось с этим Тваури? – заправила короткие пряди за уши, видимо, что-то хочет спросить.

– Мам, всё на самом деле было так, как я рассказала, – утверждаю. С ней, конечно, чертовски хочется поделиться; она всегда была в курсе всех моих отношений.

– Да что ты, актриса, – хлопнула в ладоши, не веря.

– Мам, правда. Мы чуть повздорили, наговорили кучу гадостей. Вот он и решил извиниться, – всё внимание перевожу на кашу, восторгаюсь ей, причмокивая и облизывая ложку.

– Ох, Мирка, мужики, они, знаешь, – вздохнула обречённо. – Такие мужчины просто так ничего не делают, даже не

извиняются, – убрала мою грязную тарелку.

– Валентина Борисовна, вы преувеличиваете, – стараюсь прикрыть шею волосами, чтобы ещё и мама не заметила следа страсти.

– Ну дай бог, дай бог, – грозно сложила руки на груди. – Какой конкурент у папки по букетам, он же теперь не успокоится, – смеётся, предвкушая цветочный ларёк в нашей квартире на ближайший месяц.

– Да уж, пойду к себе, нужно в душ и привести себя в порядок. Вечером у нас самооборона, – целую её в щеку и отправляюсь к себе наслаждаться букетом и мечтать о мужчине из запретного подzemелья. Самого красивого подzemелья, которое я могла бы вообразить в своей голове.

Глава 4

Мирослава

Папа активизировался – у нас не только выматывающие тренировки через день, но и походы в кино. Несмотря на все синяки и ушибы, Петров счастлив, как ребёнок на Рождество. Его отец не принимал никакого участия в жизни мальчика, кроме зачатия, поэтому Яр всецело ловит моменты с генералом.

А я всё чаще ловлю себя на мысли, что совершенно забыла, как сильно папа меня любит, забыла, как он поучает или болеет за меня, скандируя на последнем круге выматывающей кроссфит-тренировки: “Давай, доча! Ты сильная! Воль-

ные не сдаются!” Вместо того чтобы спарринговать со мной, он катает меня на своих плечах и кормит тонкой итальянской пиццей в нашем любимом кафе. Давно я его таким не видела, а скорее, никогда.

Сейчас он скорее друг, который заказал нам всем одинаковую чёрную спортивную форму, заставил меня сесть за руль своего белого внедорожника, готовит завтраки, читает по вечерам детективы вслух, пока я не усну рядом в его футболке. Кажется, что мама даже начала ревновать. Потому что это только наше время, только наши суровые "пацанские" занятия в отдельном от всех мире. Генерал не перестаёт удивлять меня: как у него так получается? Воспитывать меня как мальчика с боксерскими перчатками и пистолетами, но при этом залюбливать как дочку и заставлять чувствовать себя папиной крошкой.

– Дядя Виталик просто сведёт меня с ума, – смеётся Яр, поправляя чёрную бабочку.

Вот уже час мы рисуемся перед огромным зеркалом в небольшой прихожей в квартире друга. Здесь всё выполнено под коричневый кирпич и в тон тёмного дерева: вешалка, галошница и небольшой пуф, обитый коричневой кожей.

– Нам вообще повезло, что он меня отпустил, – до сих пор не верю, надевая длинные серебряные серьги с капельками на конце.

– Отпустил? – друг скорчил возмущённую рожицу. – Нас везёт туда какой-то офицер и обратно тоже, напомню я тебе –

так, на минуточку, – виртуозно выполнил нашу фирменную волну вниз указательным пальцем.

– Только меня, – подошла поправить бабочку этому красавчику в чёрном смокинге. – Ты можешь развлекаться сколько угодно, – отмечаю про себя его смазливость.

Господи, Петров мог бы быть ловеласом, если бы не положил свою жизнь целиком на алтарь искусства, вернее, его подношения в виде красивейших фотографий голых женщин, к которым у него лишь коммерческий интерес.

– Ладно, – отошёл от меня, чтобы оценить мой образ в чёрном платье и на сногшибательных тонких шпильках, – Мирослава, согласны ли вы сопровождать мою скромную персону сегодня?

– Петров, ты издеваешься? Ты чертов бог Эрос, – накинула пуховик на этого и так слишком оперившегося птенца.

– Вольная, ты, ты сейчас, – что-то судорожно смотрит в телефоне, пока я откровенно кайфую от себя, рассматривая в зеркале.

Определённо секс. В этом платье больше раздета, чем одежда, у меня даже бюста нет. Высокий пучок локонов, пара прядей свисают у лица, серьги делают акцент на тонкой шее, а разрез платья на стройных ногах. Последний штрих – серебристый чокер с кристаллом, как на серьгах, и бордовая помада.

– Нашел! Ишкуина! Звучит, правда, как-то не очень, – сощурил глаза, скорее понял, что сморозил чушь, или это вид-

но по моему лицу.

– Ты меня назвал покровительницей проституток, спасибо, – не могу долго держать покер-фейс, заливаюсь смехом, щипая птенца за бок.

– Извини, – замешкался и сделал вид, словно ничего не произошло. – Пошли, нас машина ждёт, – накинул мне на плечи шубу и подтолкнул к выходу.

– Ну ты и стрелочник; достаточно просто богини, – взмахнула рукой, подбирая чёрную сумочку на серебристом ремешке от Furla.

– Согласись, приятно тратить деньги на что-то стоящее, – кивает в сторону оригинала.

– Соглашусь, чертовски приятно. Конечно, было бы приятнее, если бы кое-кто назвал имя покупателя, – с надеждой в который раз, но этот партизан слишком любит меня помучать.

– В этот раз правда не знаю – это был аноним. Просто наслаждайся, он вывалил неплохую кучу денег из-за разгоревшегося аукциона, – в глазах огонь. Ох, как он любит своё дело.

– А я и наслаждаюсь, – пожала плечами, ведь это правда отличные дивиденды, на которые я обновила гардероб и прикупила подарки. И кем бы ни был этот мужчина, спасибо ему большое, он словно Санта в Новый год: подарил мне веселье в магазинах, а Яру модель, которую больше не придётся уговаривать на съёмки в стиле Нью.

– Мне сегодня будут завидовать все богатые мужики, моя богиня. Ещё бы лимузин вместо этой тыквы, – открыл передо мной дверь чёрного Volvo.

– Скажи спасибо, что не спецномер с мигалкой, – вздохнула. Хотя смотрелись бы мы эпично среди всех псевдоби businessmen.

В авто нас ждал Олег – худощавый паренёк, примитивной славянской внешности, светленький, коротко стриженный, капитан, кажется. В этот раз он был без формы, в крутой кожаной косухе и яркой футболке. Папино доверенное лицо, единственный, кого за столько лет генерал впустил в дом. Добрались мы быстро и без мигалок, от чего волнение щекотало мне нервы – чего не скажешь о Петрове. Он сначала щёлкал меня на свой телефон, потом нас, потом снимал красивую историю, заставив меня закинуть ногу на ногу, повернуться, отвернуться.

– Я буду ждать здесь, когда решите выйти, позвоните мне, вот номер, – Олег сунул мне бумажку с номером.

– Поняла, спасибо, – выдохнула. Вдохнула. Около входа куча журналистов и вновь прибывающих.

– Почему мы не заехали со стороны парковки? – канючу, словно ребёнок.

– Ну нет, мы же должны эффектно появиться, – театрально прокричал Петров, выходя из авто, подавая мне руку. – Моя богиня! – да почему бы это мне на лбу не написать, я же не стесняюсь, правда? Все, Мир, пора успокаиваться: просто

улыбайся, они тебя не съедят, – бормочу под нос.

С этого момента я просто улыбалась на автомате, вцепившись в надёжное плечо друга.

– Расслабься, смотри, они все от тебя в восторге, – подбадривает. – Представь, что это я с камерой, – машет кому-то рукой.

– Тогда мне следует раздеться, – пытаюсь шутить, щуря глаза от ослепляющей вспышки.

Мы вошли в старое здание, внутри всё в стиле театра: белые колонны, статуи, наряженные официанты. Вдали виднеется круглая сцена с ведущим, расставлены столы по бокам, а в центре толпится народ.

К Петрову подходят много пар, попутно здороваясь со мной. Мужчины как истинные кавалеры целуют руку.

От волнения хватаю один бокал за другим, и с каждым мне становится всё легче улыбаться и смеяться над дурацкими шуточками многих богатых “папиков”.

Через полчаса мы расселились за столы с белоснежной скатертью. Я с явным любопытством принялась рассматривать соседей: две абсолютно разные пары. Мужчины под сорок, один из которых в сопровождении высоченной блондинки с красивым конским хвостом, второй же не сводит глаз с жены, женщины его возраста. Удивительно, ведь серебристое платье блондинки открывало прекрасную большую силиконовую грудь; периодически даже я залипала взглядом на её идеальных формах. На сцене какой-то извест-

ный ведущий перечислял заслуги фонда за уходящий год. А я запивала икоту прекрасным напитком, шаря по сторонам в надежде увидеть его – мужчину, из-за которого просыпаюсь с лужей между ног. Дура, конечно, с чего взяла, что он придёт. Боже, эти мысли сводят с ума: я ведь его даже не знаю.

– Яр, мы долго ещё так будем восседать? – зеваю в ладошку. Слишком душно, слишком много людей, и шампанское в бокале начало заканчиваться слишком быстро.

– Мир, это какой по счёту? – строго, функция старшего брата включена.

– Не считала, я волнуюсь, я тут уже стольким наулыбалась. Можно мне проветриться? – смотрю в карие глаза с надеждой.

Боже, мне так жарко, да я возбуждена и не понимаю – это потому, что весь вечер мой мозг вспоминает красивого мужчину, или всё-таки моё тело его чувствует?

– Мирослава, вот так встреча! – рядом появляется Давид, улыбается во все свои белоснежные 32 зуба. И всё вокруг сразу становится позитивным.

– Давид, – расплываюсь во встречной улыбке. Моё тело словно расслабляется и оживает, приятная теплота прокатывается от ног до самых щек.

– Можно пригласить вас на танец? – подаёт руку.

– Ммммм... – улыбаясь, всё ещё смотрю на него, сощуриив глаза. – Дааааа...

Встаю со своего места, поправляю платье и даю ему время,

чтобы восхититься моим нарядом.

– Мирослава, вы прекрасны, – заворожённо произносит он, его карие глаза блестят.

Примыкаю к нему, кладу руку на его плечо и позволяю себе чувствовать каждый момент, пока он ведёт нашу пару в танце. Приятно ощущать бархат чёрной ткани его пиджака, свежий запах его духов. Этот мужчина великолепен – он идеален до кончиков пальцев, вернее, до платиновых перстней на его ровных сильных пальцах.

– Кажется, вы в полёте? – хрипло смеётся он, кружа меня.

– Давид, кажется, вы прекрасно ведёте, – открываю глаза и фокусируюсь на его лице.

Тёмная борода коротко стрижена, на голове – чёрный ежик, в ушах – бриллианты, под белым воротником виднеется часть черной татуировки. Бордовая бабочка как ни к стати говорит о его скрытой дерзости. Да, он определённо горяч.

– Вы так смотрите на меня, – шепчет он мне на ухо.

– Как, Давид? – склоняю голову на бок, чтобы прошептать в ответ.

– Мне хочется подарить вам полцарства, – отклоняется назад, закусывая нижнюю губу.

– Давид, вы шутник, – смеюсь, отклоняя голову назад, даже не забочусь о том, что это может быть громко или неприлично. Мне так хорошо, так смешно.

Музыка стихает, чтобы дать слово ведущему, все во-

круг начинают расходиться и суетиться. Мы вынуждены проснуться и выйти из этой сказки.

– Благодарю за танец, Мирослава, – предлагает он мне снова осесть на свой стул для пыток этого вечера.

– Давид, – кротко улыбаюсь и провожаю его взглядом.

– Я смотрю, ты везде поспела, – бубнит друг, глотая простую воду из бокала.

– Дружочек... – только собираюсь ответить колкой шуткой на его выпад, как замечаю высокую блондинку, которая искусственно скалится и с восхищением направляется прямо к другу.

– Ярослав, как приятно, что вы здесь, – к нам подседа высокая статная блондинка в длинном синем платье. – Ваша спутница? – изучающим скользким взглядом прошлась по мне. Неприятно до дрожи.

От неё веет какой-то мерзостью и наигранностью.

– Мирослава, – подаю ей руку, попутно рассматривая огромный бриллиант на безымянном пальце.

– Лия, очень приятно, – коснулась своей холодной мокрой рукой меня, и это не самое приятное чувство, особенно с учётом того, кем она является.

– Лия – организатор фонда, – пояснил Петров. Ага, и невеста самого горячего мужика на планете, да и сама она красавица.

О, нет, нет, нет, Мирослава, прекращай сейчас себя с ней сравнивать, вы разного поля ягоды, и на её территории ты

потерпишь поражение.

– Мне нужно с тобой поговорить, Ярослав, на счёт нашего договора, вы не против? – улыбается она, и в голове возникает вопрос: я предвзята или она правда такая фальшивая?

– Конечно, идите, – провожаю их взглядом с широченной улыбкой, пока Петров грозит мне пальцем.

Как только они скрылись за кулисами, тут же даю деру и лихорадочно начинаю искать путь на волю. Пара коридоров, и выхожу на пустую парковку; наконец, мои лёгкие наполняются прохладным воздухом.

Все слишком светские, каждый норовит другому чуть ли не в зад залезть. Терпеть не могу эти притворства. А тут тихо, спокойно, одиноко. Интересно, он простит мне, если я уеду?

Кто-то накинул мне на плечи большой чёрный пиджак. Не пугаюсь, не поворачиваюсь – это Аид, точно! Чувствую спиной, каждой клеточкой. Запах его духов остался на мне ещё с первой встречи, и уж его точно ни с чем не перепутаю. Как же это странно, моя разная реакция на этих мужчин.

– Минус на улице, замерзли? Вы вышли, Мирослава, да ещё и в платье? Так и простудиться недолго, – грубый, решительный, мужественностью несёт за километр. Достал сигарету из пачки и прикурил.

– Душно там, – пытаюсь связать хотя бы пару фраз, смот-

ря на этого бога в смокинге. Моё и так звенящее сердце пустилось в гонку. Превращаюсь в маленькую собачку рядом с большим опасным львом.

– Опять проблемы с алкоголем, госпожа Вольная, – утверждает он, и его губы искривляются в ухмылке, а язык проходит по нижней губе в тот момент, как он выдыхает дым.

– С самоуверенными мужчинами, – причмокнула губами, стараясь отвести глаза. Пелена очарования спала с моих глаз. На смену ей пришёл вздох разочарования.

– Угостите? – указываю на сигарету, нужно занять себя чем-то, иначе так и буду пялиться, как идиотка.

– А папа ругать не будет? – насмехается он, проводя большой ладонью по идеально уложенным назад чёрным волосам.

– А мы ему не расскажем, – откуда я взяла столько смелости, чтобы подмигнуть ему? Лучше бы его ладонь касалась меня, определённо.

Он не стал спорить, достал и открыл передо мной пачку толстых с белым фильтром сигарет. Ммм... пахнут шоколадом, но глотаю слюну вовсе не из-за любимого вкуса, а из-за вида красивейших мужских длинных ровных пальцев.

Дает мне прикурить красивой железной зажигалкой со змеей. Вдыхаю табачный дым и успокаиваюсь, сердце замедляет бег. Спрятаться за сигаретой, не подумав, как я буду для него выглядеть. Как малолетняя дура? Да какая к чёрту раз-

ница? Усмехаюсь, идиотка. Его невеста с большим бриллиантом в зале. К сожалению, моя ширма в виде сигареты быстро заканчивается; выдаю первое, что приходит в голову.

– Красивые пионы, – репетировала эту фразу сотни раз, а пропищала как намокший звонок на велосипеде.

– Да, – рассмеялся он. – Не подумал о генерале, извините меня, Мирослава, – просто, без пафоса, издевок и пояснений. Его голос сводит с ума.

– Да я тоже не должна была вас уродом называть и кидаться обувью, – поворачиваюсь, чтобы заглянуть в ореховые глаза. Стыдно, но вот сейчас от признаний должно полегчать.

– Признаёте, значит, что с мужчинами так себя вести нельзя? – поедает глазами, шагнул ближе, и становится жарко.

Сделала шаг к нему, моя левая нога полностью показалась из разреза.

– Дааа, но мне понравилось, – шепчу, смотря вверх на губы, которые подрагивают.

Играю с ним, ожидая, когда же сорвётся с тех самых петель? Или не сорвётся, и я буду выглядеть вертихвосткой, которая пытается соблазнить. Стыдно? Неа, буду чертовски жалеть, если не сделаю этого.

Он не заставил ждать. Резко хватая за талию, толкает к стене, пальцами поднимает подбородок, чтобы укусь за гу-

бу, затем проникает грубо своим языком в рот. Дрожащими от перевозбуждения пальцами хватает за пучок волос, вырывая все невидимки. Вторая рука пробралась в разрез и сжала бедро, закинув его себе на ногу. Стальная эрекция упирается в живот. Хочу его, определённо; все остальные мысли к чёрту, я никогда ещё не чувствовала такого возбуждения, мурчу ему в губы, как мартовская кошка, ощупывая твёрдую грудь сквозь ненавистную рубашку, пытаюсь пробраться к коже, сорвать всё к чёртям.

– Мир, что ты делаешь? – шипит он отчаянно с ненавистью.

Откидываю голову назад, тяжело дышу, заливаюсь хриплым смехом от облегчения; его реакция для меня как мёд – сладкая, липкая, вкусная, то, что надо. Да, я хочу его съесть, облизать с ног до головы, определённо, прямо сейчас в моей голове миллион разных развратных картинок.

Не отпускает, обнюхивает моё лицо, словно животное.

Дрожу от желания, не чувствую холода, растворяюсь в сильных руках. Если он сейчас решит взять, я отдам без возмущений, даже сама его раздену. Хоть здесь, за любым углом, в авто – ничего не важно.

Отдалённо послышался стук каблучков по бетону парковки и эхо от разговора.

– Извини, малышка, – шепчет он, облизывая свои ровные губы.

Амиран резко выпрямился и отшатнулся, оглядывая свои творения на моём теле.

Улыбаюсь, закусывая распухшие губы. Расправляю локоны, уничтожая последние следы прически.

– Я ничего не делаю, Амиран Бесарионович, – нарочно покрутила голой ногой, делая вид, что поправляю платье.

– Ну перестаньте, – усмехается он, оглядывая мою ногу.

– Пошлите, видел я ваше "ничего", Мирослава. Шагайте, а то замерзнете, ваши кавалеров не вышли, чтобы вас согреть, – схватил меня за локоть и повёл ко входу.

Стоп, это что, была ревность? Вау. Или мне просто кажется? Начинаю осматриваться по сторонам.

Пара тёмных коридоров, отводящий глаза обслуживающий персонал, и мы наконец-то вышли в зал, и тут же наткнулись на Ярика, Лию и осознание ситуации, в которую я попала.

Господи, как грязно, я ведь даже не знаю его, а он почти женат. Я страстно желала ему отдаться. Во рту становится горько от обиды и стыда.

– Вот ты где, – она подошла к мужчине и поцеловала его в щеку. – Милый, репортеры нас уже заждались, – сладко щебечет, прожигая меня взглядом. – Интервью на счёт свадьбы, – скалится мне.

Вот же сука, это сработало лучше холодного душа, возбуждение как рукой сняло.

– Извини, выходил подышать, – жёстко, прямо, не отвечает милостью.

– Спасибо вам за пиджак и за то, что проводили обратно, сама бы я заблудилась, – пытаюсь улыбнуться всем троим, чувствуя себя виноватой. – Спасибо, – сняла пиджак и протянула ему; наши пальцы соприкоснулись, как и взгляд, запуская по венам импульсы тока. Чёрт, я попала, это не пройдёт. Во мне закипает ревность, злость и ненависть. Чёрт! Чёрт! Чёрт!

– Пойдём, Мир, я должен тебя кое-кому представить, – Ярослав потянул меня в сторону.

Дальше вечер проходил в том же русле: знакомство, шампанское, глупые шутки. Только теперь мне не до смеха, глазами ищу его везде, но каждой клеточкой ощущаю, что его больше здесь нет. Чувство будто бы меня опустошили, а всё вокруг выкрасили в серый безвкусный цвет.

Так прошёл час, второй. В машине я оказалась уже совсем без сил, Яр помог снять мне туфли, уложив мои ноги себе на бедра.

Конечно, он ждал весь вечер, чтобы спросить; я слишком хорошо его знаю, любопытство веет за версту.

– Мир, ты должна рассказать своему другу, что происходит между тобой и этим неприлично богатым и красивым мужчиной. Высоким мужчиной? Ну, тем, который горячее Везувия. Ну, который такой высокий и с божественно пра-

вильными чертами лица, – отводит глаза, стараясь не смущать меня, и машет рукой, перечисляя эпитеты.

Мы доедаем вчерашнюю пиццу на его коричневом диване в гостиной.

– Ничего, – говорить о нём совсем не хочется; ситуация с его невестой выдалась дивной.

– По тому, как вы смотрели друг на друга, не скажешь. Да и пару засосов на твоей шее говорят об обратном. Ах дааа, это наверно плейка, – сощурил глаза, поднимая палец вверх. Чёртов актёр. Подаёт мне открытую минералку.

– Грузинская, как ты любишь, – усмехнулся он.

– Ещё раз – и в глаз, – грозно толкаю его ногой в бок, на что он поднимает руки вверх в знак поражения.

– Мы целовались, но ты этого не знаешь, потому что этого больше не будет, – люблю его поражать: круглые глаза, открытый рот – бесценно.

– Ну, это я и так понял по красным следам на его рубашке, – начал выстраивать цепочку, размахивая руками. – Но что между вами? Понимаешь, Мирёнок: любовь? Ну, трах?

– Ничего! Заворачивай свою фантазию, – раздражённо встаю с дивана и кидаю корочку от пиццы обратно в коробку. Красная помада на рубашке подбадривает меня, придаёт уверенности в этих мнимых соревнованиях за сердце этого бога.

– Пошли, горе моё, дам тебе пижаму. Вставать рано, Виталий Сергеевич в десять хочет с нами поехать ёлку выби-

рать, – бубнит он себе под нос.

Обнял меня за плечи и повёл к своей тёмной ванной. – Слушай, он стал таким...

– Папой, папой. Понимаю, что нашло, не знаю, – пожимаю плечами, валясь с ног от усталости или, скорее, от разочарования.

– Чувствую, жара даст этот год, – даёт зубную щётку уже с пастой. – Знаешь, это очень ожидаемая свадьба; я буду делать их фото, – мнётся, не хочет чего-то сказать.

– Так, дружок, – поднимаю на него глаза с полным ртом пены. – Закончили: у нас был только поцелуй и больше ничего.

– Просто будь осторожна, Лия не отпустит его, да и он не дурак, – бубнит он себе под нос, упёршись взглядом в раковину.

– Петров, – ополаскиваю рот, выпрямляюсь и толкаю его, чтобы он взглянул на меня в зеркало, – закончили, я в их игры не полезу, трахаться с ним не буду, – раздражённо загибаю пальцы. – И целоваться больше тоже! Understood me?

– Yes, of course, – исчезает за дверями, чтобы не нарваться на бурю.

Чего ожидала? Чего хотела? Что его невестой окажется Квазимодо или она вовсе испарится? Бешусь, ощущая в груди тяжёлую ревность. Хм. Оставила след помады – ликую. Страшно. Нет, нет, нет, я слишком хочу его, чтобы отказаться-

ся от этого удовольствия. Запрещаю себе мысли о нём, все мысли, но разве это возможно? Закусываю губы, до сих пор окружённая его запахом. В голове крутится только одна фраза: “будь, что будет, а это значит, что я уже всё для себя решила, и с этой дороги уже не свернуть”.

Глава 5

Амиран

Вольная Мирослава. Мой мир теперь вертится вокруг неё одной. Господи. Эта девочка плотно засела в моей голове. Я всё думаю, что заставило меня принять решение? Её танцы с Волком или всё решилось намного раньше? Как только я увидел её фото у Дианки в телефоне. Смеюсь про себя. Как только начинаю думать о делах, она в голове – везде она. Даже дома у стены её огромное фото.

В какой-то момент я для себя понял, что не могу жениться на Лие. Я потерял вкус к этой женщине. Нет, не так: словно пелена спала с моих глаз, и я увидел мир абсолютно другими глазами. Я увидел всех, кто меня окружает, настоящими – их желания, их потребности, стремления. И они вряд ли совпадают с моими. Я ощутил себя не в своей тарелке, захотелось снова сбежать в Милан, как десять лет назад.

Странно, но я улетал в тот вечер, когда увидел её на маминой кухне. И тогда она вызвала во мне то же ощущение, ощущение реальности, и это всё до сих пор пахнет ванилью.

Но сегодня мне не 20 лет, и я не буду бежать от всего,

особенно от того, что затеял сам. В последние дни я сплю по паре часов в сутки и продумываю абсолютно все шаги по отступлению уже после грандиозного пира моей матери.

Как этой женщине, которая никогда не приписывала себя к числу жен миллиардеров, нравится руководить процессом создания пира на несколько десятков гостей? Почему я раньше не замечал этого в ней? Может, потому что не жил дома с шестнадцати лет?

– Не замечал, что она такая, – признался отцу, сидя в кабинете администратора ресторана.

– Какая? – он отпил из своего бокала, поправляя серый галстук.

– Женщина, которой нравится всё это, – указываю на суету в зале, – пиры, банкеты, гости.

– Мальчик мой, а ты что, думал, что твоя мать выбрала меня, потому что я чудака с улицы? – смеётся моим доводом, впрочем, как и всегда.

– Подожди, – усмехаюсь. – Так любовь же? – развожу руками, вспоминая своё детство в их доме.

– Амирани, мальчик мой, – слишком приторно, – любовь, конечно, но твоя мама знала, кого полюбить, – смеётся. – Женщины они словно видят всё наперёд, понимаешь? – закашлял в кулак. – Настоящие ведьмы: с одного взгляда способны понять, кто перед ними будущий король или оборванец, – машет головой, любуясь своей женой.

– Да, – соглашаюсь.

И если мама правда фея, разглядела в нищем оборванце будущего мужа и хорошего бизнесмена, то моим женщинам проницательными быть не обязательно. Отчего мне почему-то становится смешно.

– Я знаю, что ты затеял, сын. Знаю, что ты караулишь дочь Вольного, – выставил ладонь перед собой в знак того, чтобы я молчал. – Знаю, что ты роешь сейчас под Гвасилия, чтобы взять их за яйца и не собираешься жениться на Лие.

– Даже не буду спрашивать, откуда, – сел в кресло напротив него, скидывая ненавистный тёмно-синий галстук.

– Я только надеюсь, что ты прекрасно всё понимаешь, – тяжело вздыхает.

– У тебя было столько женщин, неужели ты не достаточно пресытился? – жестикулирует руками. – Ведь сейчас дело касается полностью твоего благополучия и влияния, а глаза на власть у тебя горят! Ты столько времени шёл к этому, сын, – последние слова отец выплюнул с презрением, кидая на стол какие-то фотографии.

– Что это? – не понимаю, внутри всё сжимается, тошнота подкатывает к горлу.

На снимках Лесе, вся в крови, избитая. Мои руки затряслись. Какого чёрта – с ней же охрана! Достал телефон, чтобы набрать ребят.

– Остановись, – отец указал на телефон в моих руках. – Ты сейчас ничего не изменишь: её охрана ликвидирована, тело в морге, возбуждено уголовное дело.

– Какого хрена я не узнал об этом сразу? – процедил. Он знал и не сказал. Могу ли я доверять?

– Ответь мне на один вопрос, – собрал снимки и убрал их обратно в конверт. – Помнишь ли ты, сын, что стало с непобедимым героем того самого эпоса? Орлы клюют его печень. А из-за чего это случилось – только оставь эти присказки про любовь к людям? – его любимая манера проводить аналогии, ждать, пока я вступлю в эту его литературную игру.

– Отец, я помню рассказы дедушки Тимура: из-за своей ненасытности? – его присказки всегда меня раздражали, элементы воспитания.

– Давай ещё подумаем. Потому что Амирани был настолько силен, что земля с трудом носила его, – встаёт со стула, накидывая серый пиджак от костюма.

– Да, – вздыхаю. Отец всегда мечтал привить эти традиции, культуру. Это была его мечта. А я никогда не показывал и не проявлял своей любви к традициям и национальности, да вообще к дому и своей семье. Да и сейчас уже совсем поздно.

– Ещё он убивал чудовищ, сражался с отцами и похищал девушек. Но речь же не об этом? – решаю проявить свои знания, чтобы отец успокоился.

– Мораль сей басни такова, дорогой сын: Амирани думал, что он совершенно бессмертен, но... – указывает на меня пальцем.

– Но его усмирили, – отпил из своего бокала, вспоминая,

как дедушка рассказывал мне эту легенду, когда мы гуляли по горам. Тогда я кричал, что меня не смогли бы победить, но Тимур Казбекович уверял, что со временем, оглядываясь назад и понимая, что сотворили, мы сами жертвуем собой и всем, что имели, ради будущего тех, кого любим.

– И ты думаешь, что бессмертен? А сколько на тебе ран? – Отец сверкнул на меня своими чёрными глазами, как делал всегда, когда мы, будучи детьми, переходили грань дозволенного. Вернее, переходил её только я. – Ты думал, что твои решения останутся без внимания? Или это будет приятно брату, отцу, а может, и самой Лии? Вы дружили, сын, сколько лет вы дружили? – говорил он с большим сожалением.

– Ты учишь меня, как сосунка, но это мои раны, за которые ты должен мне сказать спасибо! Не эти ли раны привели тебя к тому, что ты сейчас имеешь?! – сорвался на грубость, вскакивая с места. – Что, пристрелил бы, да не можешь? Я в отличие от тебя не собираюсь плясать под их дудку!

– Амиран! – Отец схватился за сердце и сел обратно в кресло, глотая какие-то таблетки. – Выйди к чёрту отсюда! Выйди!

Вылетаю злой, как дьявол. Прошу мать, чтобы она присмотрела за ним; в ответ ловлю её вечно виноватое лицо, ли-

цо женщины, которая не может разорваться между отцом и сыном, которые оба нуждаются в её любви.

Из-за лестницы наблюдаю, как Нике воркует с Нелли, которая поглаживает свой огромный живот. Перевожу взгляд на Дато – он что-то рассказывает Лие, и она смеётся.

Задыхаюсь, тошно от этих семейных посиделок, потому что я здесь лишний. Любовь отца к Торнике всегда была очевидной: у них было много совместных воспоминаний, которые они часто рассказывали всем. Мама в пример ставила его отцовство с братом. Что касается меня, то отговорка всегда была одна: “такого подарка мы не ждали” – только мама говорила с любовью и долей сожаления, а отец с ревностью и большой частью вины.

Выхожу на парковку, не чувствуя холода от злости. Сажусь в машину, чтобы покурить. Воспоминания накатывают вместе с грузом старых обид. Однажды, когда мне было десять, отец бил меня ремнём за ложь. Нике взял пистолет из его стола, и мы пошли к озеру во дворе, чтобы пострелять по банкам, но брат тогда убил кота. Отец, конечно, обо всём узнал; Нике не смог взять вину на себя, он трясся как девчонка и говорил: "О, отец убьёт меня, отец убьёт меня, он накажет меня" и всё в этом духе. Брат никогда не отличался стойкостью духа. Я без раздумий взял вину на себя, и тогда отец сказал, что если я не могу защищаться руками, то я не

достоин оружия. Это и был наш первый спарринг, синяки от которого сходили около месяца.

За праздничным ужином в честь Рождества мне пришло сообщение с фото моей прекрасной Леси и подписью “С праздником, дорогой друг!” Напротив сидел улыбающийся Дато, ублюдок. Леську жалко: пять лет рука об руку выручали друг друга: я её охраной и деньгами, она меня сексом и развлечениями.

– Нике, скажи мне, что ты хоть что-то нарыл в его счетах? Он проводит миллионы долларов, не может это быть не засвечено, – мы решили выкурить в кабинете сигару.

– Брат, ты зря роешь, там правда всё чисто, всё крутится в фондах и вкладывается в инвестиции, он получает дивиденды. Не придраться, – разводит руками, поджигает губы. Да, он готовил эту речь для меня. Хорошо, что мои люди уже роют в домашних ящиках Нике.

– Такого не может быть, я видел, что он банкрот, – разырываю из себя дурака.

– Амир, в Европе он передал права на имущество фирме Тугушева, а тот взамен продал им знатную часть акций своей компании. Ты не туда роешь. Заключай сделку с Гвасилия,

они дают нам выход на Тугушева, мы инвестируем в него и получим одно из мест на рынке, но скорее в его нелегальной лиге, – закончил он как раз в тот момент, когда в кабинет вошли остальные мужчины.

Смотрю на отца с братом и тошно, как же вы все спланировали: скормить мне эту подсадную утку в виде дочери компаньона, обвести вокруг пальца, как щенка, показав мясо из связей. Думают, я кинусь на лакомый кусок и буду охранять это дерьмо с борделями. Стыдно за них, за столько лет так и не научились глобально мыслить; хоть бы один из них залез в мои европейские дела, хоть бы один. С сожалением осматриваю присутствующих и не понимаю, что я тут делаю.

– Амир, ты всё узнал о нашем финансовом положении? – спокойно спросил Зураб. Высокий мужчина лет 50-ти в синем костюме и белой рубашке, седые волосы уложены назад, грубые черты лица, чего не скажешь о его низкорослом кучерявом сыне с перебитым носом и крохотным подбородком.

– Да, и мне не понадобилось втягивать женщин в это, да, Дато? – смотрю прямо в голубые, выцветшие от наркоты, глаза.

– В хороших шлюхах я знаю толк. Она бы отлично пополнила коллекцию моих куколок и приносила бы неплохие

деньги, – он сидел, развалившись на кресле, как последний гандон.

– Я думаю, вы уже всё догадались: брака не будет, как и инвестиций в твой живой бизнес, – выплюнул я, наливая себе виски и выпивая залпом.

– Бесарион, вы с сыновьями договорились за нашей спиной и ничего не сказали о своём решении. Ты пренебреж мой дочерью и моим уважением? – Зураб в ярости смотрит на отца.

– Никто не знал о моём решении. Я сам сообщу Лие, у меня для неё есть хороший подарок, – спокойно говорю, смотря на отца, который спокоен как никогда.

– Это неуважение к моей семье и моей дочери, – начал Зураб.

– Зураб, послушай, это уважение! Лия – прекрасная девушка, она достойна лучшего, а не бизнес-сделки, – заготовленная речь по плану.

– Такое не прощают, Амир, – на его лбу выступила вена. Конечно, сорвать сделку века для их барыжного бизнеса, я и не надеялся, что мне это простят.

– Зураб, сделки через брак не будет, это моё последнее слово. Я отправил твоей дочери хорошие отступные; думаю, она не будет расстроена. Брак ради сделки – последнее, что нужно женщине, – начал здорово заводиться.

– Это не тебе решать, что лучше для неё, – вмешался Дато.

– А ты будешь это решать? Потому что для тебя привычно, да? Быть сутенером? – оскалился я, ох, как мне нравится смотреть, как он выходит из себя. Словно пес, прыгает туда-сюда по комнате.

Этому ублюдку не хватает сантиметров в росте, чтобы смотреть на равных, глаза в глаза. Смотрит на меня снизу, сцепив свои кривые зубы, выдвинув нижнюю челюсть вперёд. Я махнул головой в знак призыва, улыбаясь.

– Сын, сядь, обсудим другие условия сделки, – сказал Зураб, рассматривая предложение, которое подготовил для них Нике.

– Мы предлагаем вам долю в игорных заведениях, – спокойно сказал брат.

– И что ты хочешь взамен? Ну уж нет, я буду вашим по-

средником и хочу свой процент от поставок, – сказал Гвасилия старший.

– Нет..., – начал я.

Отец выставил ладонь в знак, что мне нужно замолчать. Он встал с кресла. – Хорошо, мы согласны, детали обсудим в феврале.

– То-то же. Я рад, что с моей сестрой не будет тот, кто открыто трахает шлюх, – выплюнул Дато.

И это была последняя капля. Я схватил его за лацки пиджака и произнёс лицом к лицу так, чтобы слышал только он: – Держи свой язык и член при себе, я не побрезгую.

Резко отпустил его и вышел прочь из кабинета. Остальные вопросы вне моей компетенции. Ноги моей больше не будет в этом городе. За месяц спустил коту под хвост половину своей жизни.

– Лия, я хочу, чтобы мы вышли, – подцепил её за локоть и повёл за собой.

– Куда мы идём? – Она подхватила подол своего лилового платья и быстро перебирала своими ножками.

– Давай прокатимся по городу? – даю ей в руки её шубу и сажаю в Кадиллак.

– Амир? – сидит в полоборота, ожидая от меня ответа на её немой вопрос.

– Я перечислил на счёт твоих фондов крупную сумму, и ещё вот, – достаю бриллиантовое кольцо в синей коробке, сую ей в руки и стараюсь не отвлекаться от дороги.

– Ого, да ты меня балуешь подарками, – она даже не взглянула в коробку.

– Свадьбы не будет. В прессе всё будет так, как пожелаешь ты. Согласен на любые условия, и прости меня, – остановился на красный свет и посмотрел на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.